

Главная • Поколенная роспись • Самые известные в роду • Фотографии
Русские немцы – истоки • Книги, документы и статьи • Контакты

На заказ: поиск людей в архивах, составление полной родословной,
построение генеалогического древа, история Вашего рода и семьи

Дворянский род Рогге (Rogge)

Книги, документы и статьи

Крестьянские восстания
в Рязанской губернии в 1918 году

В.А. Коростелев

Содержание:

- [Предисловие](#)
- [Как корабль назовешь, так он и поплывет](#)
- [Вместо веры в Христа — веру в коммунизм](#)
- [Мобилизация](#)
- [Ноябрьское восстание](#)
- [Причины восстания](#)
- [Примечание \(источники\)](#)

В апреле 1919 года президиум Пронского исполкома Рязанской губернии доводил до сведения губернского центра, «что операция по выкачке хлеба проходит в чрезвычайно сложных условиях. Среди населения заметно сильное брожение, так как извлечение хлеба затрагивает бедноту ... достаточно одной неосторожной искры, последствием которой будет взрыв среди бедноты Пронского уезда»{1}. В феврале 1919 в Рязском уезде крестьяне в некоторых волостях отказывались сдавать излишки.

Значительное распространение в губернии получило мешочничество, которое особенно сильно было развито зимой в Зарайском, Скопинском, Рязском и Сапожковском уездах{2}. Недовольство крестьянства выкачкой продовольствия и борьбой с мешочничеством наблюдалось во всех уездах, где проводились эти мероприятия. Для их осуществления в губернии были сосредоточены продовольственно-заградительные отряды.

К 1 мая продовольственная армия по губернии включала: в Данковском уезде — 65 чел., Раненбургском уезде — 109 чел., Рязском уезде — 100 чел., Сапожковском уезде — 110 чел., несколько отрядов были сосредоточены на железнодорожных станциях (6 отрядов от 20 до 50 человек){3}.

Главным проявлением недовольства крестьянства губернии политикой Советской власти в 1919 году стало массовое дезертирство, которое затем переросло в «зеленое движение» или, как называли его советские работники — «бандитизм». В губернии началась борьба с дезертирами, по официальным данным количество задержанных и добровольно явившихся, составило в 1919 году — **100.252 человека**. (здесь и далее, текст выделен автором сайта. — прим.)

Зимой были созданы губернская и уездные комиссии по борьбе с дезертирством. В инструкции уполномоченным исполкома, увоенкома и укомпарта по борьбе с дезертирством согласно декрета от 25 апреля 1919 года кроме разъяснительных мер указывалось, что «красноармейцы, командированные в волости для задержания дезертиров, должны довольствоваться за счет семей дезертиров», а в дальнейшем мерами борьбы с дезертирством были наложение штрафов и контрибуций на отдельные хозяйства, селения, волости, конфискация имущества семей дезертиров и передача их участков в пользование семьям красноармейцев{4}.

Чрезвычайные комиссии губернии помня ноябрьские события 1918 года, когда вся губерния полыхала в огне, не церемонилась в выяснении виновников прошедшего восстания и **по малейшему доносу производили аресты или расстреливали — за убийство одного советского работника десятки и сотни невинных крестьян**. Начало 1919 года было временем массовых арестов инакомыслящих политических соратников, левых и правых эсеров, за зиму и весну было арестовано по официальным данным 195 человек. Согласно отчета о деятельности секретно — оперативного отдела ЧК зимой 1919 года наблюдалось

«во всех уездах противосоветское настроение масс»{5}.

Выходец из рязанского земства, нарком земледелия С.П. Середя, работавший в губернии с 1908 по 1918 год, конечно как никто другой знал положение и потребности крестьянства, но в условиях той обстановки вряд ли мог что-либо сделать. Дальнейшая его практическая деятельность по созданию сельскохозяйственных коммун и помощи государства в оснащении их техникой облегчило положение беднейшего крестьянства, но до этого Советская власть решила все взять и отобрать у богатых и даже среднего и ниже среднего достатка крестьян и с помощью контрибуций, налогов выкачать остатки продовольствия, доведя крестьян до бунта.

Думается и наказ делегации, крестьян Скопинского уезда (в Скопине в 1919 году состоялся совещательный крестьянский съезд, постановивший послать И. Бородина, В. Маригина, А. Павлова в Москву){6}, участников I-го Всероссийского съезда крестьян, попал к В.И. Ленину 5 апреля 1919 года, не случайно, а при содействии С.П. Середы. Отдельные пункты наказа невозможно было решить без его вмешательства.

Это касалось «колоссальных налогов» и реквизиций лошадей, коров и отношения к среднему и ниже среднего достатка крестьянству. Судя по наказу, по сути и в начале 1919 года политика по отношению к крестьянству не изменилась. Издание обещанного скопинцам декрета ВЦИК «О льготах крестьянам — середнякам в отношении взыскания единовременного революционного налога» от 10 апреля 1919 года, ликвидация комбедов в конце 1918 года, посланные по указанию Ленина в Скопин телеграммы не ограничивающие паек и, наконец, поставленный А.И. Свидерским вопрос самому себе по поводу реквизиций у крестьян (как члену коллегии Наркомпрода это ему должно было быть известно): «Тут надо сговориться с военным ведомством. Реквизиция скота и мобилизация лошадей производится им или для него [?]{7}, явились косвенным признанием ошибок Советской власти по отношению к крестьянству, которые привели к масштабным жертвам и бедствиям населения Рязанской губернии в 1918 году.

[вверх]

Как корабль назовешь, так он и поплывет

Проиграв 12–14 ноября 1917 года выборы в Учредительное собрание эсерам (54% депутатов), большевики на волне недовольства народа вызванного войной, голодом, нерешенностью вопроса с землей совершили Октябрьский переворот, распустив затем 6 января 1918 г. декретом Советского правительства и Учредительное собрание.

После разгона Учредительского собрания, правые эсеры, занимавшие по отношению к большевикам более непримиримую позицию и обладая в тоже время, большинством по стране лишь в 54 уездных Советах, не смогли организовать массы в защиту Учредительного собрания.

С этой точки зрения, комиссар Временного правительства по Рязанской губернии Ф.К. Павлов, из крестьян, правый эсер, похоже, как бывший выпускник фельдшерской школы и проработавший в психиатрической больнице в Тамбовской губернии несколько лет, в выступлении на чрезвычайном заседании Рязанской городской думы 28 октября 1917 года, довольно профессионально дал большевикам характеристику:

Партия большевиков вновь путем вооруженного восстания срывает государственную работу в центре и на местах.

Что такое большевизм? Это немецкое веяние, политическое шарлатанство, политическое недомыслие, политическая истерия. Это величайшее зло, болезнь, яд, глубоко внедрившийся в нашу жизнь, и наш грех, что мы недостаточно боролись с ним. Народ впервые живет в политической свободе, мы свободно проявили политическую волю, и поэтому недостаточно боролись и в этом наш грех. Легко завоевав свободу, мы не умеем окопаться на этих завоеваниях. Большевики... являются захватчиками власти, приверженцами марксизма и я зову вас, граждане, гласные Думы и земства и вас всех, граждане, к открытой беспощадной борьбе с большевизмом{8}.

Из воспоминаний Гарасевой А.М.:

Мы не приняли всерьез большевиков, не поверили, что кто-то сможет эту свободу раздавить, и весь народ — такой народ! — поставить к стенке, сделав пособником кучки негодяев. Ведь выборы в Учредительное собрание были действительно свободными, их готовили долго. Но именно поэтому сторонники Ленина получили на выборах всего четвертую часть голосов от общего числа, да и то лишь в крупных промышленных городах. Это и заставило их пойти на вооруженный Октябрьский переворот, тотчас же развязав

внутренний террор, а затем и все ужасы «построения социализма»{9}.

Необходимо отметить, что в Рязанской губернии на выборах в Учредительное собрание эсеры с примыкающими к ним группами получили — 62%, а в южных уездах, таких как Ранненбургский и Сапожковский, в районах с наибольшим количеством помещичьих и кулацких хозяйств соответственно 70,7 и 67,1 процента{10}.

В начале 1918 года выступления крестьян не носило организованного характера. Порой зачинщиками выступлений против Советской власти наряду с бывшими помещиками, офицерами, выехавшие из своих имений в уездные города были богатые крестьяне, а также втянутое в орбиту происходивших событий и остальное население деревни.

5 января 1918 года в селе Сасово пограничного с Рязанской губернией Елатомском уезде Тамбовской губернии вспыхнуло восстание, поводом к которому послужило реквизиция ревомом хлеба в крупных имениях, хотя глубинной причиной было неприятие Советской власти, как незаконной. При этом восстание опиралось на организацию офицеров в Елатье. Восставшие разгромили ревом, члены которого скрылись. Около 500 восставших преградили дорогу обозу с хлебом, вывозимого из Сасово, и потребовали складировать его в Каргашино. Когда крестьяне увидели, что обоз сопровождает несколько десятков хорошо вооруженных красногвардейцев и кавалерийский отряд, большая их часть разошлась. После того, как остатки толпы были разогнаны кавалеристами, 100 подвод с зерном двинулись дальше.

Вслед за этими событиями, в конце января в восставшую Елатью был послан кавалерийский эскадрон и отряд красногвардейцев в 100 бойцов. Подойдя к городу, командование отряда предложило восставшим разоружиться и признать Советскую власть, но они оказали вооруженное выступление. В событиях участвовали бывшие местные помещики и офицеры. Отряд Красной Гвардии отступил.

Из Москвы прибыла сотня красногвардейцев, из Рязани — пулеметная рота и 3 орудия. Присоединив эти части к имеющимся (всего около 200 кавалеристов, 300 бойцов пехоты), 27 февраля красный отряд двинулся к Елатье. Охватив ее кольцом, красноармейцы днем навели орудия и в сумерках открыли артиллерийский огонь по окопам восставших. Во время обстрела жители скрывались в подвалах и погребах. В 12 часов ночи, когда был отдан приказ к наступлению, поднялась сильная вьюга. Командование отряда решило отложить штурм до утра. Ночью восставшие бежали. К красноармейцам пришли представители местной власти и сообщили, что сдаются. В Елатье восстановили Советскую власть. Но уже в марте 1918 года в Елатье и в Сасово опять произошли вооруженные выступления{11}.

[вверх]

Некоторые подробности восстания становятся известными из следствия по делу «Союза защиты родины и свободы», отделение которого было и в Рязани. Из заключения по делу Елатьминских белогвардейцев:

Дружина, сорганизовавшаяся в городе Елатье в конце сентября 1917 года исключительно для охраны порядка в городе, с декабря 1917 года становится благодаря разгрому арсенала, вооруженной организацией и начинает действовать во вред только что образовавшейся уездной Советской власти. К этому времени в город переехали на постоянное жительство уездные помещики.

Помещики, действуя именем и авторитетом дружины, ведут телефонные переговоры с представителями уездной Советской власти, совершают экспедиции в уезд, грабят заводы, вывозят с имений инвентарь и т.п. (взгляните на отчет земельного комитета). Город в лице городской думы не принимает никаких мер к обузданию геройских подвигов помещиков; более того, город распределяет между гражданами вывезенный с завода Девишева весь сухой крахмал, зная определенно, что этот крахмал взят на учет местным земельным комитетом.

На ультимативное требование Советской власти выдать бывших помещиков и начальника районной милиции Кошкарева городская дума отвечает отказом; под предлогом различных формальностей городская дума не принимает участия в продовольственном съезде земельных комитетов с. Потапыева, где был ясно и определенно поставлен вопрос о признании в уезде Советской власти; в выборах уездного Совета город опять-таки из-за пустой формальности отказывается принимать участие.

Городская дума не выступила бы так открыто против уездной Советской власти, если бы не чувствовала, что за ней стоит определенная вооруженная реальная сила в лице городской дружины. Отчаянное сопротивление, оказанное дружинниками советским войскам, достаточно констатирует, что город мог смело рассчитывать на реальную помощь со стороны дружины.

На основании фактов можно формулировать следующее заключение: привлечь дружинников-белогвардейцев к суду революционного трибунала, предъявив им обвинение в организации вооруженного сопротивления советским войскам:

- судебный приговор юридической комиссии Елаьминского уездного Совдепа пересмотреть, разделить всех заключенных дружинников по степени виновности на несколько групп, приняв во внимание социальное положение каждого в обществе и участие в дружине, возраст и т.п.;
- привлечь к ответственности весь состав Елаьминской городской думы, предъявив ему обвинение в провоцировании населения слухами о дезорганизованности советских войск и т.п., в вооружении дружины оружием склада воинского начальника, в разоружении гарнизона города Елаьмы;
- привлечь к ответственности городскую делегацию, посланную перед сражением для переговоров к советским войскам и сообщаящую неверные сведения, будто за городом стоят не советские отряды, а вооруженные тьмы крестьян{12}.

Дело было передано в Революционный трибунал, и о дальнейшей его судьбе пока ничего не установлено.

Московские участники Елаьминского восстания, фигурировавшие в Деле «Союза защиты родины и свободы»: Парфенов (Покровский), Сидоров (Аваев) и др., проходившие по делу «Союза защиты родины и свободы» и были приговорены к расстрелу. В признательных протоколах, которые впрочем были сделаны не без участия чекистов, отмечалось:

1918 года, мая 28 дня, Покровский Борис Евгеньевич (он же Парфенов), служащий в продовольственной милиции, показал следующее, что в Елаьме был начальником штаба отдельной дружины, которой командовал Аваев (Сидоров). Дружина состояла из 80 человек приблизительно. Арестован был по подозрению в связи с выступлением Корнилова. Комиссия нашла, что документы у меня не в порядке. Листок с заголовком «Основные задачи» принесен кем-то и положен в квартиру на стол. Очевидно, провокатор носил для того, чтобы попасть им в руки. К организации «Союза защиты родины и свободы» не принадлежал. Пока только с нею знакомился и возможно бы вступил в нее. Листовку со списком провокаторов я взял у Аваева. Я служу в продовольственной милиции, главное правление ее помещается в Английском клубе. Сколько ее всей, я не знаю.

Из другого допроса Покровского.

Я, 22 лет, Тамбовской губернии, Елаьминского уезда, деревни Михайловки, проживаю по Малому Левшинскому переулку, в доме № 3, кв. 9, корнет 13 Драгунского полка, служу в Московской продовольственной милиции около двух месяцев, поступил на службу в продовольственную милицию без рекомендации кого бы то ни было. В «Союз спасения родины и революции» вступил около полутора месяцев тому назад. Основные задачи нашей организации были изложены и заключались в следующем: восстановить боевую способность армии, восстановить полный порядок в стране и продолжение войны с немцами. О связях главного штаба с Дутовым и Деникиным ничего не знаю, и этот вопрос меня мало интересовал, так как Корнилову я совершенно не сочувствую. Записка, на имя корнета Покровского была напечатана на память мне.

В Елаьме я состоял помощником начальника дружины, начальником был штабс-капитан Аваев Георгий Петрович. Дружина состояла из 80 человек приблизительно и была разоружена советскими властями. Удостоверение на имя Парфенова я достал в городе Елаьме. Имея документы на новую фамилию, я хотел ликвидировать свое прошлое, достаточно дискредитированное историей в городе Елаьме. Фамилии, указанные в записной книжке, — Аваев и др., есть фамилии арестованных в Елаьме и доставленных в Москву. С отметкой «X» есть фамилии убитых в Елаьме.

Допрос Георгия Петровича Аваева (Алексея Илларионовича Сидорова).

21 года, из Тамбовской губернии города Елаьты, окончил 6 классов гимназии. Окончил Виленское военное училище в 1915 году и достиг на войне чина штабс-капитана. 28 мая 1918 года показал: «В Елаьте была арестована «Елаьминская дружина» численностью в 80 человек. Арестовано 37 человек. В Таганке 29 человек, в числе которых находятся мой брат Борис Петрович и дядя Иван Аполлонович Граве. Мой брат тоже бывший офицер и служил в том полку, что и я, а мой дядя тоже бывший офицер. Дружина была организована для защиты города от пожаров. Начальником этой дружины был я. Во время арестов мне удалось бежать. В ночь с 3 на 4 марта или со 2 на 3, точно не помню, вся дружина с оружием в руках вышла из города и направилась к местечку «Гут». У местечка «Гут» мы все разбрелись в разные стороны, по разным направлениям. Причиной нашего бегства из города были сведения, полученные от окрестных крестьян, о том, что против нас движутся советские войска. На военном положении город был объявлен приказом городской управы на мое имя.

Я признаюсь в том, что имел сношение со многими офицерами, устроившими товарищество. Я хотел организовать артель 5 офицеров; для чего, и сам не знаю. В военном заговоре против существующей власти я принимал участие. Названные мною фамилии принадлежат офицерам, находившимся со мной в организационной и боевой связи. Я не отрицаю тот факт, что люди, состоявшие в организации, вместе со мною должны совершить передвижение под видом мешочников либо паломников... {13}.

Политика большевиков была направлена против буржуазии, а именно дворян, конечно владельцам разного рода, в том числе и мелких, предприятий, офицеров, священников. По отношению к крестьянам как мелким производителям хлеба, которые использовали наемный труд, отношение было также крайне негативное.

Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора.

(Лацис, Мартын Иванович. ЧК-ОГПУ){14}.

И в этом смысле «в первую очередь, это была трагедия кадрового офицерства — людей узкой специальности и малой образованности, которые остались не у дел. По мнению новой власти, все они были отпетыми контрреволюционерами. Многих из них сразу же арестовали и расстреляли. Другие устраивались работать в советские учреждения на должность не выше счетовода, стали грузчиками, извозчиками»{15}.

[вверх]

В январе 1918 года, из-за не согласия с политикой большевиков, произошли выступления крестьян в Данкове. По воспоминаниям одного из местных большевиков И. Соседова, события разворачивались следующим образом. В этот период большинство в Совете принадлежало эсерам. Коммунистов в Данкове и уезде тогда было 5 человек при некотором числе сочувствующих. На II Данковском уездном съезде Советов, который состоялся 19 января 1918 года, развернулась борьба по вопросу об отправке хлеба в голодающие столицы. После ожесточенных споров большинством голосов съезд высказался за отправку. Тогда эсеровская часть съезда покинула зал заседания и собрала перед ним жителей Данкова и ближайших волостей. Толпа ворвалась в здание, избива многих делегатов съезда, в том числе, учинила расправу над уполномоченным ВЦИК большевиком Степановым. Было выпущено воззвание с призывом к восстанию против большевиков. Через несколько дней в Данков прибыл отряд из Москвы под командованием Левакова численностью 200–250 человек. Восстание было подавлено{16}.

В январе 1918 года была попытка свержения Советской власти и в Пронском уезде. Она была отголоском политического кризиса в столице, связанного с созывом Учредительского собрания. Это случилось через два дня после I-го уездного съезда Советов. Во главе выступления стояли местные правые эсеры. Наибольшую активность среди них проявил поручик Шутов. На базаре в Пронске, куда съехались крестьяне из окрестных деревень, он и его сторонники организовали митинг. На нем звучали призывы защитить Учредительное собрание. Затем толпа участников митинга и примкнувшие крестьяне двинулись к зданию Совета. Караул красногвардейцев был разогнан, канцелярия разгромлена, из тюрьмы были выпущены арестованные. Но затем большая часть крестьян разошлась по домам. А руководители выступления — правые эсеры — не смогли взять власть в городе в свои руки.

Руководители Совета собрали сторонников и взяли ситуацию под контроль. В Пронске было объявлено военное положение. Несколько участников эсеровского выступления было арестовано, поручик Шутов успел скрыться. На купцов города и зажиточных крестьян Архангельской слободы была наложена крупная контрибуция. Когда через несколько дней из Рязани для подавления волнения прибыл отряд матросов и красногвардейцев, в Пронске все было спокойно. Отряд вернулся в губернский центр. Но на всякий случай местному Совету был оставлен пулемет. Его установили у здания уездного исполкома{17}.

Большевики Рязани, следуя указанию центра относились к блоку с эсерами терпимо (из 9 членов губернского Совета Советов — 5 являлись левыми эсерами), как к оппозиции, которая не отказалась от принципиального согласия с большевиками по ряду существенных вопросов, это сотрудничество продолжалось вплоть до лета, когда в июле ЧК было сфабриковано дело о «мятеже левых эсеров», тогда губернский и городской комитеты партии большевиков выразили недоверие местным левым эсерам, которые и были исключены из Советов в Рязани, Касимове, Михайлове и других городах. В Егорьевске было арестовано 7 левых эсеров, в том числе начальник милиции.

Чтобы решить задачи социалистической революции, партия большевиков в соответствии с ленинским учением, должна была опереться на пролетарские элементы в деревне, то есть на бедноту и середняков, и конечно по их замыслу эти слои должны были поддерживать рабочий класс. Разницы между богатыми крестьянами, кулаками и помещиками большевики не видели. И риторика в начале 1918 года по отношению к имущим классам характеризовала направленность их работы и методы достижения поставленных задач.

Из сообщения газеты «Искра» о работе II-го губернского (учредительного) съезда Советов Рязанской губернии: «Все купцы, спекулянты и разные темные дельцы, жившие на эксплуатации других, должны быть выведены, как вредные гады и насекомые...»{18}. «Насекомым» припомнилось все и в Постановлении губернского съезда земельных отделов (работал 3 по 6 апреля 1918 года) «О распределении земли и помещичьего инвентаря и создание культурных хозяйств» от 16 апреля 1918 года отмечалось: «Каждый может получить землю только в таком размере, сколько в среднем приходится на живую душу в уезде. Помещики, которые сами на своей земле не трудились, лишаются права получения земли в пределах своей губернии»{19}. Лишая помещиков и богатых крестьян права на землю, у них оставались юридические права на жилые постройки в усадьбах и на первых порах юристы советовали направлять соответствующие иски, но по мере укрепления власти большевиков надежды стали призрачными.

Причиной мартовского восстания 1918 года в Егорьевске послужила реквизиция Егорьевским Советом дома фабриканта Бардыгина. 21 марта в 9 часов утра председатель Совета Антипов и его член Горшков, захватив с собой из здания Совета на Сенной площади красное знамя и папку с документами, направились к дому Бардыгина. Там уже собралась толпа горожан, которая, увидев их, молча расступилась. У ворот поставили 2-х милиционеров. Пройдя в дом, Антипин и Горшков наблюдали в окно, как толпа увеличивается и заполняет всю площадь. Послышались крики: «Негодяи! Подлецы! Губители России! Нельзя отдавать Совету дом, коммунисты сожгут его!».

Дело принимало нежелательный оборот, и Горшков, под предлогом того, что забыл в старом здании Совета на Сенной площади важные документы, понадеявшись на защиту милиционеров, решил выйти на улицу. За дверью толпа тут же обступила его и стала избивать. Чтобы спасти товарища от гибели, Антипин несколько раз выстрелил из револьвера в окно. Это не испугало толпу, некоторое время спустя она вновь набросилась на Горшкова. Через несколько минут на звук выстрелов прибыл отряд красногвардейцев. Бомба, брошенная командиром отряда Толстиковым, привела толпу в замешательство, после чего ее рассеяли. В связи с этим выступлением город был объявлен на военном положении{20}.

Идеальной политикой Советской власти в отношении богатых крестьян было лишь ограничение их эксплуататорских стремлений, ограничение их хозяйственной деятельности советскими законами. На практике же уравнительность в распределении земли, запрещение аренды и использования наемного труда приводили к ограничению развитию крупного крестьянского хозяйства и, следовательно, производства хлеба. Это породило острые противоречия между зажиточным крестьянством и властью с одной стороны, большевиками и единственными их союзниками левыми эсерами — с другой. Идея в форватуре их политики — эсеры, чтобы остаться у власти, шли на постоянные компромиссы.

В частности, в подготовленном левыми эсерами «Основном законе о социализации земли» — втором после Декрета о земле законодательном акте, который имел большое значение уже для практических шагов в аграрных преобразованиях, определяя правила пользования землей и закрепляя идею большевиков о создании крупных государственных хозяйств, отдавая преимущество коллективным формам ведения хозяйства перед индивидуальными, в нем не навязывался немедленный переход к ним. По принятому закону в раздел пускались не только бывшие помещичьи, купеческие, монастырские, церковные земли, но и надельные, купчие, отрубные и хуторские земли крестьян.

[вверх]

В Рязанской губернии развитие крестьянских хозяйств сдерживалось сохранением в сельских общинах чересполосицы, узкополосицы, дальнотемелья, частыми переделами земли. Запутанность землепользования, унаследованного от прежних времен, приобрела

еще большую неопределенность в результате распределения конфискованной земли. К уже существующим кускам добавились новые, из распределительного фонда. Необходимо было проводить землеустройство. Землеустройство местные советские власти начали проводить только с конца 1918 года, которые охватили около 10% сельскохозяйственных угодий Рязанской губернии{21}. Оно осуществлялось, как правило, между волостями и очень редко между селениями и внутри их. В тоже время, чтобы обработать землю нужен был сельскохозяйственный инвентарь, порой не хватало элементарных орудий, даже после распределения того инвентаря, который был в помещичьих хозяйствах.

Сокращались размеры посевных площадей. Посевные площади на одно хозяйство в Рязанской губернии сократились с 3,1 десятины в 1917 году до 2,2 десятины в 1920 г., с поправкой на то, что население скрывало от учета подлинные размеры посевов, как впрочем и 300 лет до этого, в вотчинных хозяйствах. К 1920 году посевные площади в губернии сократились по сравнению с 1916 годом почти в 1,3 раза — с 1460 до 1050 тысяч десятин. В целом в крестьянских хозяйствах преобладало стремление к натурализации, наметившееся еще в годы первой мировой войны. Эта тенденция была заметна на примере структуры посевных площадей. Прежде всего сокращались посевы технических культур при увеличении чисто продовольственных.

Крестьяне меняли и структуру посевов зерновых культур. Площадь под озимыми, которые давали большую урожайность при меньших площадях, увеличивали, под яровые — сокращали. Сокращались посевы тех культур, которые требовали сдавать государству, и увеличивались засева тех, которые шли для внутривоспользования, прежде всего пшеницы и гречихи. Росли посевы картофеля, который выращивали, прежде всего, на приусадебных участках, так как огород не облагался продразверсткой{22}. К переделу земли богатые крестьяне относились крайне отрицательно и враждебно. В 1917 году в губернии существовало 4180 хозяйств с посевом от 16 до 50 и выше десятин, то к началу 1919 года количество таких хозяйств сократилось до 216, причем, и у таких хозяйств высшей нормой надела стал являться надел в 16–19 десятин, да и то лишь у хозяйств с семьями в одиннадцать и более человек.

По данным, публиковавшимся в печати списков при выборе земских гласных в 1916 году, можно составить также некоторое представление о размерах земли и об отдельных зажиточных крестьянских хозяйствах в сравнении с другими сословиями:

По Зарайскому уезду:

- Агапов Михаил Агапович, крестьянин деревни Маврино — 85 десятин;
- Ашеньев Григорий Андреевич, крестьянин — ветряная мельница, лавка и складочное помещение в 9.568 руб. 68 к.;
- Лопухин Николай Антонович, Зарайский купец — 45 десятин 1651 сажень;
- Лесин Александр Васильевич, крестьянин — мясная лавка, бакалейная лавка, пекарня и жилой дом под квартирой в 4775 рублей;
- Юрьева Мария Александровна, крестьянка Рязанского уезда — 524 десятины;
- Губерти Дмитрий Васильевич, губернский секретарь — 43 десятины 1566 сажень;
- Гололобов Федор Васильевич, штабс-капитан, земский начальник Зарайского уезда — 30 десятин 517 сажень;
- Гагин Николай Ильич, надворный советник — 34 десятины 2155 сажень;
- Кармалин Александр Николаевич, гвардии полковник — 22 десятины 1906 сажень.

По Михайловскому уезду:

- Блажих Антонина Николаевна, урожденная Самохвалова, жена крестьянина — 299 десятин 422 сажени;
- Дадонов Илья Андреевич, крестьянин — 186 десятин 1600 сажень;
- Соловов Николай Андреевич, коллежский секретарь — 52 десятины 861 сажень;
- Сергиевский Аркадий Семенович, потомственный почетный гражданин, сын священника — 32 десятины;
- Салазкин Аркадий Сергеевич, кандидат естественных наук, надворный советник — недвижимость в 6000 рублей;
- Степанушкин Поликарп Михайлович, крестьянин села Инякина — 316 десятин 1200 сажень;
- Чернышев Ефим Яковлевич, крестьянин села Путятино — 2532 десятины 774 сажени;
- братья Лохины Василий, Алексей, Матвей и Федор Васильевичи, Спасские купцы — по 20 десятин 1200 сажень каждый.

В Рязском уезде:

- Шиловский Петр Петрович, камер-юнкер Двора Е.И.В — 1753 десятины;
- Ознобишин Николай Яковлевич, дворянин, отставной гвардии полковник — 160 ? десятины;
- Пирожков Николай Назарович, дворянин — 52 десятины;
- Саморуков Михаил Петрович, дворянин — 23 ? десятины;
- Тарбеев Николай Михайлович, подпрапорщик в отставке — 108 ? десятины;
- Еханин Иван Федорович, художник — 88 ? десятины;
- Дорохин Федор Алексеевич, крестьянин — 53 десятины;
- Волоков Михаил Иванович, крестьянин...{23}

(Десятина — старая русская единица земельной площади, равная 2400 квадратным сажаням или 1,0925 гектара — прим. В.Р.)

В целом богатые крестьяне — кулаки потеряли в ходе распределения земель, примерно 84087,7 десятины земли, которая была распределена, в основном, между бедняцкими хозяйствами. Учитывая происшедшее перераспределение земель губернии летом и осенью 1918 года, результаты распределения частновладельческих земель в губернии сводились к следующим результатам: общее количество частновладельческой земли с учетом земель богатых крестьян — 686.688,3 десятины, из них распределено совхозам 27.306 десятин, коммуна и артелям 3.328 десятин, единоличным хозяйствам 656.064,3 десятины. Увеличение на душу населения составило 0,33 — 0,34 десятины.

Таким образом, все таки необходимо согласится с теми работниками Наркомзема, кто в 1918 году говорил, что «громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства дало ничтожные результаты. Специальная анкета Центрального Отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: в десятых и даже сотых десятин на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины; лишь в немногих оно достигает одной десятины. Таким образом, положительные итоги раздела для малоземельных слоев крестьянства ничтожны». Другими словами, **ликвидированы были полнокровные крестьянские хозяйства**, хотя и с наемным трудом.

[вверх]

Изменения произошли в ходе распределения и перераспределения земли и с середняцкими хозяйствами, имевшими посевы от 8 до 16 десятин. Если в 1917 году их существовало в губернии 11.780 хозяйств, то к 1918 году их количество возросло до 82.914 хозяйств. По категориям увеличение количества владений выглядело следующим образом: размер владений от 8,1 — 10 дес. — с 8.420 в 1917 году до 33.482 в 1918 году, размер владений 10,1 — 13 дес. с 2.680 в 1917 году до 31.566 в 1918 году, размер владений 13,1 — 16 дес. с 760 до 17.860 в 1918 году{24}.

Вместе с тем, достигнув сомнительных результатов при распределении в деревне создается напряженность. Беднота, получив землю, не могла создать рационального хозяйства, поскольку не имела нужных для этого средств производства. Ни лошадей, ни сельскохозяйственного инвентаря. Богатые теряли наделы, но в тоже время богатые и середняки должны были тянуть основное бремя налогов. Весной хлеб стал главным объектом борьбы. Государство не могло удовлетворить потребности крестьянства в товарах первой необходимости, но необходимо было кормить рабочих, армию.

Весной 1918 года Наркомпродом были установлены нормы для всех хлебопроизводящих губерний — 12 пудов зерна и 1 пуд крупы на человека, 18 пудов на лошадь, 9 пудов на крупный рогатый скот и 3 пуда на мелкий скот. До войны норма составляла около 16 пудов на душу, это соответствовало научно обоснованной норме потребления. Весь продовольственный и кормовой хлеб сверх установленной законом норм считался излишним и подлежал сдаче государству по твердым ценам, которые были увеличены в августе 1918 года в три раза. Точных сведений о площадях и урожае власти не знали, но знали потребности в хлебе. Власть в качестве эксперимента в ряде губерний стала применять договора продовольственных органов с крестьянами через советы и появившиеся комбеды о добровольной сдаче хлеба с оплатой части его товаром.

Такую экспедицию, например, возглавлял А.Г. Шлихтер в Данковском уезде, который был богат хлебом, имел много экономических посевов, но в Советах и комбедах уезда пролетарские позиции проявились слабо. Местные советские работники творили произвол, на продовольственной почве возникало много стычек и в конце концов приведших затем к восстанию крестьян и срыву экспедиции{25}. По стране объемы хлебозаготовок стремительно падали. В ноябре 1917 года они составили 641 тыс. тонн, в январе 1918 года — 46, а в апреле — 38 тыс. тонн, в июне упали до 2 тыс. тонн{26}. К августу положение с хлебом в Рязани стало катастрофическим. Его в городе не было совсем, запасов овса не хватало для выдачи по карточкам по 1/8 фунта (50 гр.) на человека. Опыт первой половины года показал, что в продовольственном деле в деревне не было опоры для централизованных заготовок хлеба.

Расчеты на то, что крестьянство добровольно отдаст хлеб по твердым ценам и на основе товарооборота не оправдались. 13 мая 1918 года постановлением Наркомпрода «О

товарооборот не оправдался. 25 мая 1919 года постановлением Наркомпрода по чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» предоставлялось право «применять вооруженную силу ... в случае оказания противодействия отобранию излишков хлеба или иных продовольственных продуктов». Этот и другие декреты были первым шагом к введенной 11 января 1919 года продразверстке, когда государство не имея возможности дать крестьянам промышленные товары в обмен на поставки продовольствия фактически принудительно отчуждало продукты и зерно, так как бумажные деньги были полностью обесценены.

В 1918 году уполномоченные продотрядов отправлялись в сельскую местность как в рейд по вражеским тылам в сопровождении вооруженной охраны. К этому времени Рязанская губерния из «потребляющей», какой она числилась до 1917 года, превратилась в годы гражданской войны на бумаге в «производящую» (в первый сезон проведения продразверстки, в 1919 году оказалась на первом месте в стране по выполнению задания — оно было выполнено на 61,5% — 3,1 млн. пудов){27}.

[вверх]

Недовольство проводимой большевиками политикой хлебозаготовок на фоне злоупотреблений власти и игнорирования интересов крестьянства, в том числе во внедрении в жизнь деревни антирелигиозных воззрений, а иногда прямая агитация против церкви приводило к стихийным выступлениям.

Самым крупным весенним выступлением стало «Поминовское восстание», которое произошло в мае в Егорьевском уезде, названное по волости, где оно вспыхнуло. Причина восстания — недовольство реквизициями хлеба.

Восстание началось с молебна в Поминовской церкви, после этого «многотысячная толпа крестьян с винтовками», вилами, топорами направилась в Егорьевск свергать уездную власть. В их действиях просматривались элементы организованности. Руководили выступлением крестьян двух волостей сыновья фабриканта, бывшие офицеры Сергей и Петр Любомилковы. По мере продвижения к городу ряды восставших пополнялись крестьянами из соседних деревень. Посланный председателем Егорьевского Совета Антиповым на разведку отряд подтвердил, что к Егорьевску правильным походным порядком идет колонна восставших, имея в авангарде конных разведчиков. Колонна была разделена на роты, взвода, отделения и имела в своем составе перевязочный пункт. Отдельными отрядами командовали унтер-офицеры.

В лесу, возле города восставшие остановились и послали парламентаря к Антипову с требованием прибыть к ним для переговоров. В этом выступлении просматривалось желание крестьян закончить все по доброму. Но вместо парламентарей с ответной стороны навстречу к восставшим выступили отряд Красной гвардии под командованием Львова и пулеметный взвод Сорихина. В двух километрах от города произошел бой, который носил скоротечный и ожесточенный характер. Только тогда, когда красноармейцы окружили восставших с флангов, те начали отходить. В плен, по официальным данным, было взято около 50 повстанцев, из которых, по официальным данным, было расстреляно 7 человек, посажено в тюрьму — 40{28}.

В конце мая восстали крестьяне в Рязском уезде губернии, где действия продотрядов также послужили причиной выступления, а ядром восставших стал отряд Агальцова (Афанасий Федорович Семенов, родом из крестьян села Щурово, а прозвище Огольцов (Агальцов) было его деревенским прозвищем, к маю 1920 года у Огольцова, по официальным данным, было до 400 человек{29}. 22 мая его отряд был рассеян. Однако, к середине июня предводитель вновь собрал его. Власти арестовали жену и брата Огольцова. В начале июля 1920 года ядро «банды» Огольцова, состоящей из 5 человек, было ликвидировано, а сам он был убит{30}..

Член Рязанского уисполкома Е. Веселова, инструктор по ликвидации неграмотности, посетила в мае 1920 года с инспекцией несколько сел Рязского уезда. Она писала в докладе, что крестьяне «смотрят на Огольцова как на человека, несущего массам новый строй, а с ним и улучшения экономической и продовольственной разрухи», также по ее словам, «граждане говорили о нем, как о благодетеле»{31}.

В конце мая около 15 тыс. крестьян из 4-х пригородных селений под звон колоколов пошли на Рязск, свергать Советскую власть. Войдя в город, они устроили митинг возле тюрьмы. Но скоро к Рязску были подтянуты находившиеся в уездах продотряды и конный отряд ЧК. По восставшим открыла огонь артиллерия шрапнелью, после чего они разбежались, порядок был восстановлен. После чего произошло крупное выступление в селе Незнаново, подавленное рязским отрядом ЧОН под командованием Якова Вышегородцева{32}.

[вверх]

Восстание в Сапожковском уезде в мае вспыхнуло также в период деятельности продотрядов. Изъятие хлеба в весеннее время оказывало на крестьянина психологическое воздействие, ведь неизвестно какой будет урожай. Всегда в крестьянских хозяйствах оставляли излишек, слишком памятен еще был голод 1891–1892 годов в рязанских селах. На село были направлены продовольственные отряды, реквизировавшие с помощью комбедов у крестьян «излишки» зерна. А.П. Марюхин с продовольственным отрядом проводил заготовку хлеба в Телятниковской волости, Напольновской, Андреевской, Ягодновской, Муравлянской и Высоковской волостях. А.П. Сучков в Путятинской и Чучковской. И.С. Шемонаев в Напольновской, Жолобов — в Борковской и Дегтяно —

Борковской. И.П. Говорков в Песоченской волости. Только продотрядом А.П. Марюхина было заготовлено 14,5 тыс. пудов хлеба и 13 тыс. пудов овса.

Заготовленный хлеб по нарядам губпродкома и наркомпрода вывозился на железнодорожную станцию Верда, а затем направлялся дальше в промышленные центры и в части Красной армии. Между тем, изъятие зерна вызвало его недостаток в самом Сапожке, что привело к голодному бунту. 20 мая 1918 года, в базарный день, воспользовавшись тем, что в городе не было ни одного вооруженного отряда, группа рабочих попыталась разгромить склад с заготовленным зерном. Сигнал к началу восстания подал сын священника Морозова колокольным набатным звоном. Рабочие заводов Крымова и Гаврилова и местные крестьяне явились в упродком и стали требовать хлеба. Попытка военкома Д.Я. Добрынина и упродкомиссара К.Ф. Долгова убедить толпу успеха не имела. С угрожающими криками она направилась к продовольственным складам. Видя угрозу расхищения общественного хлеба, Д.Я. Добрынин выслал для охраны складов 4-х вооруженных красноармейцев, но они были разоружены, двое из них убиты. С возгласами «Долой Советы!», «Бей коммунистов!» — толпа направилась к оружейному складу. Военком пытался не допустить рабочих к складу, но был избит до полусмерти.

В это время эсеры Веселовский и Бастрыкин, анархист Крылов организовали митинг на базарной площади у собора, призывая народ к восстанию, избрали свой исполнительный комитет и во главе толпы двинулись к зданию уисполкома, которое было захвачено. Секретарь укома партии (большевиков. — прим.) Лозовский и некоторые члены уисполкома, считая невозможным справиться с восстанием своими силами, скрылись.

Узнав по телефону о событиях в Сапожке, члены уисполкома П.В. Сучков и И.С. Шемонаев со своими продотрядами немедленно выехали в город. После того, как П.В. Сучков по телефону связался с Рязанью, губернский военный комиссар В.С. Корнев направил в Сапожок 50 латышских стрелков. Затем на помощь выступил вооруженный отряд из Скопина. Узнав об этом, вновь избранный исполком разбежался. Одни организаторы мятежа были арестованы, другие скрылись за пределы уезда{33}.

Из воспоминаний Гарасевой А.М.:

Далеко не спокойно происходило подчинение крестьянства новой власти. Мне рассказывали, как на одной из станций неподалеку от Рязани продотрядовцы грузили в вагоны собранный по деревням хлеб. Отбирали тогда все, до последнего зернышка, поэтому собравшиеся из соседних деревень крестьяне мешали погрузке. С ними, может, и справились бы, но в то время к станции подошел поезд с солдатами, едущими на фронт. Узнав о том, что здесь происходит, они присоединились к крестьянам и с продотрядовцами поступили самым зверским образом: вспороли им животы и насыпали туда зерна{34}.

[вверх]

Для завоевания единоличной власти большевикам необходима была опора на широкие массы крестьянства и с произведенным переделом прежде всего на беднейшее и середняков. 11 июня 1918 года ВЦИК издал специальный декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями»{35}.

На основании этого декрета повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты бедноты (комбеды), которые должны решать две основные задачи: 1) распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий; 2) оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Избрать и быть избранным в комитеты бедноты могли быть все крестьяне за исключением кулаков. Комитеты бедноты создавать не спешили или создавали исходя из своих соображений. Нет сведений об избранных в этот период в комитеты бедноты середняках и богатых крестьян, пользовались ли они, например, авторитетом или доверием. Выбирали в комбеды порой по старинке как на сходе и выбирать в них только бедных было равносильно закреплению на практике политики большевиков ограблению деревни в интересах бедноты.

На местах не спешили с выборами и основную работу по организации комбедов проводили Советы и немногочисленные партячейки, которые на местах опирались на милицию, органы ЧК и красногвардейцев. В Постановлении Болотневского волостного исполнительного комитета Рязанского уезда об организации сельских и волостных комитетов бедноты указывалось:

Всем сельским советам.

На основании декрета СНК от 11 июня 1918 г. разосланного Вам 15 июня 1918 года за №1903 волостной Совет вторично предлагает организовать сельские комитеты бедноты... Цель организации таких комбедов ясна из указанного выше декрета. Это борьба с продовольственной разрухой, кулаками, богатеями и всеми, имеющими излишек хлеба... объявить гражданам на собрании, что всего хлебного продукта урожая 1918 года,

будет произведен самый строгий учет, ничего не будет упущено, все излишки тех и других продуктов будут взяты по твердой цене и распределены среди неимущих, поэтому ни один гражданин, имеющий излишек хлеба, не должен и безусловно не имеет права продавать излишек хлеба свыше твердой цены и то обязательно с разрешения, в каждом отдельном случае, волостного продовольственного органа. Недопустима продажа и спекулянтам и богатым, скупающих хлеб с целью спекуляции, хотя бы и живущих в волости. Виновные в неисполнении будут арестовываться}{36}.

Здесь необходимо отметить, что отсутствие спешки в создании комбедов в губернии было обусловлено и тем, что крестьяне отчасти рассчитывали в конце сентября без учета со стороны комбедов собрать урожай, часть хлеба продать, а часть спрятать. Часто действия местных властей способствовали ухудшению и без того сложного положения. Например, в августе несколько созданных комитетов бедноты Раненбургского уезда намеревались убирать хлеб зажиточных крестьян на корню. После поездки крестьян в Рязань это решение было отменено}{37}. В Касимовском уезде Торбаевский комбед реквизировал хлеб и несколько овец у крестьянина, мотивируя это тем, что он не живет в этом хозяйстве}{38}. Порой комбеды вводили для богатых крестьян специальные повинности по обработке наделов бедняков или уборке урожая. Крестьянство было недовольно и пыталось противодействовать комитетам бедноты. Так, в сентябре крестьянами был разогнан комитет в Еглдаевской волости Рязского уезда}{39}.

[верх]

Из сообщения Губернского исполнительного комитета в МОБЭС об организации комитетов бедноты в Рязанской губернии от 15 сентября 1918 года. «В Егорьевском уезде ... в нескольких комитетах вошли кулаки, ввиду чего производятся перевыборы на основании переписи буржуазного элемента в деревне. В Скопинском уезде комитеты бедноты организованы лишь в 13 местностях. В Михайловском организовано 43 комитета. В Рязском уезде комитеты бедноты начали организовываться по мере приближения уборки урожая 1918 года, а имеющихся 26 августа насчитывается 37 комитетов. В Рязанском уезде, как это видно из отношения уездного Совета от 31 августа с.г. от волостных Советов сведений об организации комитетов бедноты не поступило. В Сапожковском и Раненбургском уезде комитеты бедноты в селениях организованы. Спасского и Пронского уезда сведений об организации деревенской бедноты до сих пор ни в губернский исполнительный комитет, ни в губернский продовольственный отдел не поступало»}{40}.

В протоколе заседания исполкома Касимовского уездного Совета о проведении в жизнь декрета ВЦИК об организации комитетов бедноты, отмечено: «Представитель от фракции левых эсеров заявил, что декрет этот фракцией не признается и проводить в жизнь не будет»}{41}. 28 июля 1918 года на сходе крестьян села Сысои Пронского уезда при решении вопроса об организации комбеда «деревенские богачи» вступили в рукопашную схватку. Для наведения порядка власти привлекли красноармейцев}{42}. В тоже время, здравый смысл отражен в протоколе съезда комитетов бедноты Михайловского уезда по вопросам организации комитетов от 24 сентября 1918 года: «Обратить серьезное внимание, чтобы в эту организацию вошли фактически не только бедные, но и все преданные, любящие и защищающие люди это дело»}{43}.

Дров уже наломали, наконец телеграммой от 17 августа Ленин направляет во все губернии следующие разъяснения: «очень часто при организации бедноты нарушаются интересы крестьян среднего достатка. Лозунг организации бедноты во многих местах неправильно истолковывается в том смысле, что беднота должна быть противопоставлена всему остальному крестьянскому населению — как заведомым кулакам и богатым, так и многочисленному среднему слою крестьянства... Что касается декрета от 11 июня, то некоторые параграфы этого декрета прямо говорят о среднем слое крестьянства. Так, примечание к параграфу второму говорится о привлечении в комитеты бедноты, помимо бедняков и крестьян, пользующихся наемным трудом, но не державших в кабале своих односельчан»}{44}.

Самое главное всегда у любой власти или в примечании, или мелкими буквами, или в подзаконном акте. Люди в комитеты бедноты уже были выбраны, потом местные товарищи им сказали «это неправильно» — выгнали и вот опять нужно выбирать, и переизбирали весь 1918 год вплоть до объединения комбедов с Советами. В данном случае, главные задачи, которые ставили большевики: удержаться у власти и получение из деревни как можно больше хлеба и в более короткие сроки. Больше того, противопоставление слоев крестьянства, а не соревнование хозяйств находящихся в частной собственности крестьян и сельскохозяйственных кооперативов (помещичьи хозяйства с достаточным количеством сельскохозяйственными машинами были идеальным вариантом для этого, но машины и скот распределили по крестьянским хозяйствам) было определяющей политикой власти.

[верх]

Комбеды должны были служить оплотом, инструментом политики власти в море крестьянской стихии, но по своему названию, и делам принесли одни беды в жизнь села. Как корабль назовешь, так он и поплывет. В выступлении на V-м Всероссийском съезде

Советов Ленин говорил, что борьба за хлеб идет «с ничтожным меньшинством деревенских кулаков, это борьба за то, чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно»{45}. «Ничтожное» количество богатых крестьян с наделом от 16 до 50 и более десятин в 1917 году, только в одной Рязанской губернии насчитывало около 4.180 хозяйств, о таком количестве даже в современных условиях можно только мечтать.

Ленин находился в плену своей концепции (эксперимента) построения социализма. И в конкретных условиях весны 1918 года и в ближайшей перспективе, создание комбедов послужило катализатором начала Гражданской войны. Большевики в уездных Советах избавились от эсеров и тем самым загнали их в подполье, но не избавились от богатых крестьян — кулаков, которые были выбраны в местные Советы. Комбеды стали с легкой руки большевиков, не обремененных ответственностью, властью на местах решающих все вопросы. От состава комбеда зависела направленность, радикальность действий на местах.

В ряде уездов были изданы специальные инструкции, определяющие правила выбора комитетов и сферу их деятельности. Такова, например, инструкция, изданная в Касимовском уезде 9 сентября 1918 года. Инструкция интересна тем, что она как раз свидетельствует о стремлении в тот период на местах, придать комбедам функции органов власти. «С возникновением Комитета бедноты, — читаем мы инструкцию, — Советы сельские устраниются, а волостные вводят в курс дела вновь избранный Волостной Комитет, и по ознакомлению с делами, Волостной Комитет Бедноты принимает все отчетности Волостного Совета и действует самостоятельно, а волостные Советы делают полный доклад о своей деятельности за все время существования и предъявляют в Уездный Совет Советов, и функция Совета будет считаться, как отжившая свое время»{46}. Во многих волостях Михайловского уезда Советы также были заменены комбедами.

Эта замена общекрестыанских Советов комбедами стала в последствии в ноябре, одной из причин восстания крестьян, которых загоняли в угол и лишали права голоса, а следовательно, создавались для беззакония. «Неграмотность крестьян, отсутствие навыков организаторской работы у бедноты приводили к тому, что после прочтения декрета общинные сходы выделяли в комбеды наиболее развитых и грамотных лиц, ими были прежде всего зажиточные крестьяне»{47}. Вот о каком, например, факте сообщала газета Спасского Совета «Известия» в №25 от 17 сентября 1918 года: «в селе Выжелес состоялось общее собрание, на котором было решено организовать комитет бедноты. Руководство собранием сумели забрать в свои руки местные богатеи, которые имели в своих руках до 50 десятин земли каждый. Используя свое влияние, местные богатеи провели в состав комитета бедноты представителей из своей среды. Истинные же бедняки остались за бортом, не имея возможности провести в комитет своего кандидата». Здесь конечно, необходимо сделать поправку на советский источник информации, по другому эту информацию трудно преподнести, но факт избрания кулаков имел место и наверно не по глупости крестьян или по другим каким-либо причинам.

[вверх]

По данным исследований, количество комбедов, созданных самой беднотой в Рязанской губернии составляло 21,5% от общего числа, а созданных партийными ячейками около трети{48}. Роль сельского схода в рязанских сельской общины и ее влияние было настолько велико, что еще долго и в 20-х годах не Советы и не комбеды обладали решающим словом, а сельский сход. На определенном этапе, сельские общины и волостные Советы решили не обострять отношения с Советской властью и создавали комбеды. Активность волостных Советов Рязанской губернии была значительной, ими было создано 42,5% комбедов для сравнения в Тамбовской — 20%, в Тульской — 19%. Но по своему составу они не соответствовали декрету и подлежали реорганизации{49}.

Рязанский губисполком в сентябре отмечал, что создание комбедов еще не закончено. Серьезным препятствием он считал засилье «кулаков» в волостных Советах Данковского, Егорьевского, Зарайского, Касимовского, Пронского, Рязанского, Ряжского, Скопинского и других уездов. По мнению губисполкома в результате долгого пребывания левых эсеров в исполкомах уездных Советов, распространенным явлением в волостях стало создание комбедов на общих сходах и вхождение в них кулаков. Только в сентябре, после оформления уездных комитетов РКП(б) и усиления коммунистов в исполкомах, началась организация бедняцко-средняцких комбедов и роспуск волостных Советов, состав которых не отвечал Конституции. Причем, если Ряжском уезде распускались некоторые Советы и их состав пополнялся коммунистами комбедовцами, то в Рязанском уезде в восьми обследованных волостях были переизбраны почти все Советы и созданные ими комбеды.

Егорьевский комитет РКП(б) докладывал, что усилиями агитационной коллегии и коммунистов в уезде все комбеды и Советы переизбраны и из них удалены «негодные элементы». Характеризуя положения в деревнях Михайловского уезда, отдел управления уездного исполкома в сентябре отмечал остроту борьбы между беднотой и кулаками. Основную трудность в реорганизации Советов он видел в поддержке средним крестьянством кулаков. В этом же, по мнению отдела, коренилась и причина «засоренности» комбедов.

Состоявшийся в сентябре Михайловский уездный съезд комбедов, отметив наличие кулаков в организациях, постановил исключить из них людей, не отвечающих требованиям декрета{50}. Соппротивление волостных Советов, отражавших интересы крестьянской общины, не было сломлено и к концу 1918 года в комбедах численный состав на 60–65% был представлен беднотой, 20–25% — середняками, 10–15% рабочими, 4–5%

кулаками{51}.

Напряженность в деревне была так велика, что к октябрю 1918 года уже был поставлен вопрос о ликвидации комбедов. Была ли подмена, а в некоторых случаях замена Советов комбедами ошибкой большевиков? С их точки зрения нет, так как комбеды и создавались в соответствии с требованиями партийной программы коммунистов и для достижения их цели — **углубления социалистической революции через развитие Гражданской войны в крестьянстве.**

На самом же деле, замена крестьянских Советов привела к изоляции власти, сужению социальной базы. Комбеды, опираясь на вооруженную силу продотрядов, разрушали вековой уклад жизни, внедряли силовой принцип решения неотложных вопросов на основе пресловутой уравнительности и стали военной формой диктатуры коммунистов в деревне{52}. К этому необходимо дополнить, что Советы, комбеды в искаженном виде олицетворяли власть, не имея средств от государства для своего функционирования, они на местах, «именем революции» взыскивали средства в виде контрибуций и штрафов с населения. Объединенные заседания Советов и комбедов стремились к системности экспроприации средств сельской буржуазии. Деньги, хлеб, скот, личное имущество конфисковалось у крестьян за участие в выступлениях против Советов, комбедов, продотрядов, партячеек{53}.

Из телеграммы председателя Пертовского волостного совета Исакина и секретаря Щепина в губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, от 11 марта 1918 года:

Общее собрание [граждан] Пертовской волости просит защиты от Шацкого совета, который требует от нас контрибуции за взятый спирт триста шестьдесят рублей [за] ведро. Мы этой контрибуции уплатить не можем. Они против нас выставили красную гвардию, шестидюймовое орудие, много пулеметов. За четыре версты ежедневно стреляют по Пертову из орудий. Есть жертвы, пожары. Деньги мы желаем уплатить — казенную стоимость по пяти рублей за ведро доверенным лицам казны. Просим совет защитить нас от нападения, грабежа. Телеграфируйте в Высокое. Примите меры{54}.

[вверх]

Выступления крестьянства в Рязанской губернии летом 1918 года были относительно немногочисленны. Волнения прокатились, в основном, по южным уездам, где существовали значительные хлебные «излишки», которые хотели изъять власти, — Данковскому, Раненбургскому, Рязжскому. В Зарайском уезде, расположенном на северо-западе региона, появились небольшие повстанческие отряды под руководством Кудинова и Лисицина, которые были быстро разгромлены{55}.

В целом, относительное снижение активности крестьянских выступлений, было связано с сельскохозяйственными работами, с другой стороны власть для предотвращения выступлений и терактов вводит институт заложников. Заложники брались после покушений на большевистских лидеров, с целью сбора продотрядами необходимого количества хлеба, предотвращения выступлений населения и терактов. **Чтобы просто боялись.**

В Рязани для предотвращения терактов близлежащие к ГубЧК улицы были объявлены на военном положении, регулярно публиковались списки заложников. Но жестоко подавление нескольких крестьянских выступлений вызвало ответную реакцию в виде покушений на ответственных за теракты сотрудников ЧК. В ночь на 8 сентября 1918 года было совершено покушение на заведомо по борьбе с контрреволюцией РязГубЧК Стельмах. Покушение в уездном Данкове в ночь на 24 сентября привело к расстрелу 11 заложников. Была брошена бомба в общежитие Данковского уездного Совета. Одновременно были опубликованы списки новых заложников Рязанского губчека, которые были освобождены лишь 12 октября 1918 года{56}.

Из воспоминаний Гарасевой А.М.:

К концу лета 1918 года, когда городские концлагери и тюрьмы уже не могли всех вместить, «заложников» стали распределять по уездам, направляя на земляные работы. Вместе со всеми отец и мы, три сестры, пошли проводить их на вокзал. Перед монастырем — большая толпа родственников, знакомые и просто сочувствующих.

Массивные ворота под аркой наглухо закрыты, охрана и чекисты проходят через узкую калитку. Долго ждем. На велосипеде к монастырю подъезжает заместитель начальника Рязанской ЧК латыш Стельмах, главный расстрельщик, и проходит в калитку.

Наконец, заложников выводят. Это старые больные люди, вина которых лишь в том, что они жили при прежней власти. Заложников долго строят, наконец они трогаются. Впереди идет Стельмах, опираясь левой рукой на велосипед, а правой держа наган. По бокам колонны — охрана.

Колонна движется по длинным улицам к вокзалу, через Старый базар, вдоль земляного вала кремля. Заложники сворачивают влево от кремля. Некоторые оглядываются, крестятся на собор

...В районах их разместили не в домах, а просто на земле, под открытым небом, за колючей проволокой. Гоняли на тяжелые работы, не считаясь со здоровьем, обессиленных расстреливали, но многие просто умирали от отсутствия пищи и тяжелой работы. Те, кто дождался освобождения, почти все умерли по возвращении, как это было ... и с одиннадцатью нашими знакомыми крестьянами из села Вольнь.

В концлагерь они попали по решению Комитета бедноты, от которого власти требовали высылать «врагов революции». Но кулак в селе был только один, к нему прибавили дьякона, однако двух человек показалось мало, поэтому остальных крестьян взяли «для числа»{57}.

[вверх]

Вместо веры в Христа – веру в коммунизм

В Рязанской епархии в начале XX века насчитывалось более 1000 церквей и 23 монастыря, служба проводилась в 931 храме, в том числе в 36 церквях Рязани. Уже с первых декретов новой власти, проводилась политика дискредитации священников и реквизиции ее материальных средств. Постановлением Совнаркома от 11 декабря 1917 года дело воспитания и образования переходило из духовного ведомства в Наркомпросс. Декретами ВЦИК и СНК от 16 и 18 декабря 1917 года в ведение государства передавались все акты гражданского состояния — гражданский акт и метрики.

В конце 1917 — начале 1918 года по всей стране прокатываются серии конфискаций и реквизиций церковного имущества. В Послании от 19 января 1918 года, Патриарх Тихон призывал:

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшно проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

...Имущество монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что то — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И наконец власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной{58}.

В декабре 1917 года в Сергиево-Мещеряковский мужской монастырь, неподалеку от Рязска, явились городской комиссар вместе с членом Марчуковского земельного комитета и председателем крестьянского съезда в сопровождении вооруженной охраны. Они отобрали у монастыря землю, а также имущество, скот, запасы продовольствия, стоимость которых без стоимости земли определялась в 151.508 рублей. Кроме того они составили протокол о получении с настоятеля монастыря налог в 1.100 рублей за проданную ранее рожь{59}.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный 23 февраля 1918 года, вышел в то время, как напряженность в отношениях между Советским правительством и церковной иерархией, достигала максимального накала. Декрет лишал церковные общины прав юридического лица, права владеть собственностью. С этого времени имущество церкви, включая храмы, отдавалось по особым постановлениям власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ. Священники лишались средств существования, не говоря уже о помощи государства.

[вверх]

Весной и летом 1918 года вслед за захватом помещичьей земли начались массовые запашки церковной земли. При отобрании церковно-причтовой земли в селе Старая Рязань и д. Фатьяновка по обвинению в контрреволюции были арестованы священники Петр Исаков и Сергей Гермогенов. Но в первую очередь реквизировали продовольствие, фураж, тягловый скот. При появлении продотрядов звонили в набат, как это было в селах Высокое и Назарьево Спасского уезда{60}. В конце июля Совнарком даже принял постановление «О набатном звоне», который запрещал созыв населения набатом под страхом трибунала.

Фискальная политика власти вскоре привели к тому, что по распоряжению Рязанского контролера по духовному ведомству Назарова все члены Епархиального Попечительского Совета были арестованы и под конвоем препровождены в ВРК, лишь позже были

освобождены под подписку о невыезде. Мотивом ареста было «непредставление контролерам сведений о сумме Попечительства»{61}.

Объективно оценивая политику большевиков по отношению к церкви, выступая против лишения крестьянства законных прав на религиозное верование и проводимые в деревне преобразования, священнослужители тем самым выступали в защиту крестьянства. Истерия поднятая против церкви заставило крестьян выступать в защиту священников.

В донесении от 14 мая 1918 года, на имя Святейшего Патриарха член Священного Собора Рязанской епархии протоиерей соборной церкви Спасска Леонид Красков (незадолго до этого он получил три месяца тюремного заключения, за отказ передать на учет гражданским властям церковного имущества) сообщал, что в половине Пасхальной недели был арестован и заключен в Спасскую тюрьму священник села Дегтяное Спасского уезда Иоанн Миловзоров. Арест священника был вызван самосудом прихожан села Дегтяное над комиссаром и красноармейцами, пытавшихся ранее арестовать батюшку.

Был арестован и заключен в ту же тюрьму прихожанин Спасской церкви Николай Андреевич Морозов, избранный на благочинном съезде депутатом на чрезвычайный съезд духовенства и мирян Рязанской епархии. После того как волостной совет села Сергиевский Боровок Раненбургского уезда в июне 1918 года отобрал лошадь с телегой и скотину у местного священника, архиепископ Рязанский и Зарайский Иоанн (Смирнов) объявил о возможности закрытия в селе и прекращения совершения спасительной молитвы. Прихожане, ознакомившись с резолюцией епископа, постановил выдать священнику бесплатно муки, солому и выплачивать ежемесячно жалованье в размере 900 рублей в год{62}.

Здесь легко просматривается политика любой власти, в том числе и в новейшей истории, направлять острие недовольства народа против других, второстепенных факторов, не являющихся главной причиной явлений и того положения, в котором тогда находилась Россия. Но лишая крестьян по сути возможности религиозного верования, большевики лишали их родины, так как это без христианской веры это уже была другая страна.

Противники и доброжелатели нашлись быстро. Из заявления граждан, в 1918 году «стоящих на страже завоеваний революции» села Новопанского Михайловскому уездному ВРК:

В связи государственным политическим переворотом в нашем обществе создалась организация из сознательных граждан, которая в курсе Российской революции, всеми силами и политическими знаниями старались основать жизнь на новых демократических началах, вопреки этому в нашем обществе явились люди противники и новому демократическому строю...

Одним из таких лиц является священник Ниловский и буржуй капиталист имеющий отцовского капитала более 100.000 рублей Федор Никитич Солодухин, Степан Голиков и прапорщик Егор Ильич Голубкин. Описать точную их деятельность не представляется возможным, а приводим факты которые считаем серьезными например: ...священник Ниловский неоднократно говорил что мы доживаем последние дни ибо якобы родился антихрист и категорически заявлял, что демократическая власть хочет закрыть церкви...

Заявление подписали 13 человек. Священнику было вынесено общественное порицание. В июле 1918 года, в данном селе Новопанском произошло восстание крестьян, поводом для восстания послужила реквизиция хлеба продотрядом. Как только продотряд стал производить реквизицию зерна у местного священника, крестьяне тут же ударили в набат. Собралась огромная толпа, которая стала теснить красноармейцев, бросая в них камни. Местный дьякон начал стрельбу из винтовки. Отряду пришлось отступить, но из Михайлова был прислан отряд с пулеметом. Был открыт огонь из пулемета по колокольне. Толпа была разогнана, зачинщики арестованы, реквизиция завершена{63}.

[вверх]

Особенное неприятие церкви относилось к изъятию метрических книг и церковных ценностей — атрибутов церковной службы, а также к деятельности комбедов. Так трибунал вынес общественное порицание настоятелю Скорбященской церкви в Рязани Владимиру Алексеичу Алабину, который саботировал проведению ревизионной комиссии при Комиссариате по духовным ведомствам в мае 1918 года, связанной с изъятием «церковно-кладбищенской отчетности»{64}.

29 июля 1918 года Касимовской уездной ЧК был арестован протоиерей храма села Тума Остроумов Стефан Иванович, бывший депутат IV Государственной Думы от националистов, который обвинялся в нарушении правил об отделении церкви от государства: не подчинялся распоряжению Касимовского Совета о внесении всех постоянных доходов, в том числе и арендной платы за использование церковными помещениями в местное казначейство. По тем же обвинениям в Рязанской губернской тюрьме были в заключении Иоанн Амиантов из села Великий Двор и Иоанн Озерский из села Барснево Касимовского

уезда. В тот же период был арестован и увезен в Москву заложником член Рязанской духовной консистории, священник Николо-Дворянской церкви протоиерей Павел Добромыслов. Была конфискована его богатейшая библиотека{65}.

Священник села Костемирово Скопинского уезда Н.П. Перцев 4 ноября 1918 года был обвинен Рязанской губернской ЧК в неповиновении власти, которое выразилось в невыполнении приказа комбеда о возврате 22 пудов овса гражданину села Костемирово Богуславскому и антисоветской агитации. К делу были приложено Прощение в комитет бедноты села Костемирова от гражданина Андрея Ивановича Стерликова: «Прошу Комитет бедноты принять самые инигричные меры к местному священнику Перцеву. Как таковой с начала октябрьской революции ведет контрреволюционную агитацию против Советской власти, возбуждая прихожан что большевики запрут церковь не допустят совершать таинства в настоящее время переходит от слов к делу ...». К делу также был приложен Протокол от 16 октября 1918 года сельского схода граждан села Костемирова с деревней Московкой «сделать снисхождение нашему священнику Николаю Перцеву, потому что общество не замечало за ним священником Перцевым никаких преступлений и контрреволюционных слов он не выяснял». 26 ноября 1918 года Н.П. Перцев был освобожден из тюрьмы под поручительство Василия Алексеевича Восходова.

18 ноября 1918 года был обвинен ЧК и посажен в тюрьму настоятель Георгиевской церкви села Новые Кельцы Скопинского уезда Орлов в неповиновении Советской власти, выразившееся в пререкании и нежелании исполнить предписания о предоставлении в семидневный срок статистических сведений, мотивирую отказ отсутствием письменных принадлежностей{66}. Был освобожден 13 мая 1919 года.

4 июля 1918 года на приходском собрании в селе Машково Михайловского уезда священник Александр Лосев высказался против Декрета СНК о передаче церковных регистрационных книг волостному совету. Был составлен приговор сельского общества о его коллективном нежелании передавать книги. 10 июля священник был арестован Михайловской ЧК. Жена священника Екатерина Лосева также находилась под стражей с 13 по 14 июля 1918 года. Дело было прекращено 7 июля 1919 года.

Федор Алексеевич Гусев — священник Федора храма села Буховое Дубовской волости Раненбургского уезда был арестован и содержался под стражей с 5 по 15 августа и с 9 сентября по 3 декабря 1918 года и был освобожден под залог 500 рублей. Обвинялся в том, что 1 апреля 1918 года огласил воззвание Патриарха Тихона по поводу декрета об отделении церкви от государства, чем вызвал волнение и возмущение среди граждан. Также обвинялся в отказе сдать волостному совету метрические книги без соответствующего решения сельского схода. 1 февраля 1919 года Рязанским губернским Революционным трибуналом был приговорен к 5 годам лишения свободы с несением принудительных работ. 6 марта 1919 года определением Касаационного отдела приговор был смягчен до 1 года{67}.

5 сентября 1918 года священник села Покровское Малинковской волости, Михайловского уезда Валериан Кривельский приступил к молотье хлеба, собранного с земли, сдававшейся им исполу. Председатель Малинковского волостного Совета гр-н Фокин, узнав об этом явился совместно с военным комиссаром гр-ном Бальковским к священнику во время молотьи и потребовали объяснить, почему им убирается хлеб, который должен убираться советами. Священник Кривельский в присутствии толпы местных граждан стал упрекать Фокина и Бальковского, говоря «стыдно Вам белоручкам развезжать и собирать посеянный хлеб собранный чужими руками». Народ пришел тогда в волнение, стали раздаваться выкрики «Приехали москвичи грабить нашего священника», почему гр-н Фокин, как встретивший серьезное препятствие в проведение в жизнь закона о хлебной монополии, вынужден был уехать». 10 сентября священник был арестован, 5 октября был освобожден под залог 2000 рублей. 5 августа 1919 года приговорен за агитацию и сопротивление советской власти сроком 1 год условно{68}.

Политика большевиков оставалась враждебной по отношению к Церкви и поэтому Патриарх обращаясь к священникам с самого начала призвал их: «А вы, братие Архипастыри и Пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов». Это был призыв к непримиримой войне{69}.

[вверх]

Мобилизация

Кроме продовольственного вопроса, рязанское крестьянство уже четвертый год тянуло тяжелое бремя войны. С приходом новой власти, с лозунгами «вернуть штыки против своей буржуазии», «долой войну», а затем и защиты революционных завоеваний, военные вопросы решались с помощью солдат дореволюционной армии и добровольцев — отрядов Красной гвардии. Последняя насчитывала около 2 тысяч человек в 13 населенных пунктах губернии. Этим плохо вооруженных и обученных вполне хватало и для подавления сопротивления первых антисоветских выступлений.

В феврале 1918 года началось немецкое наступление. В Рязани был создан Военно-

— февраль 1918 года на основе приказа № 111/18 был создан Военный революционный комитет для организации военных сил республики. По приказу штаба Московского военного округа, ВРК в февральские дни 1918 года сделал первую после октября 1917 года попытку мобилизации в губернии. Но она полностью провалилась, так как крестьянство устало от Первой мировой войны. Так, в Пронском уезде съезд Советов объявил о создании Пронского социалистического полка. В него предполагалось призвать часть солдат, вернувшихся с германского фронта. Это вызвало недовольство среди населения. Через несколько дней приказ о мобилизации был отменен, мобилизованных распустили по домам.

Весной 1918 года, когда была объявлена запись в РККА, в течение месяца **на весь уезд нашлось только 5 добровольцев**, к лету их записалось всего 180 человек{70}. Первоначально местные Советы обладали большой автономией в этой области, действуя исходя из местных условий и собственных представлений о способах ее создания. В Рязани этим занимались существовавший до весны 1918 года Совет солдатских депутатов, ВРК, губернская комиссия по организации Красной Армии, губернский военный комиссариат, между которыми не было четкого разграничения обязанностей. В самой Рязани были созданы из бывших солдат запасных полков и красногвардейцев 1,2, и 3-й Рязанские революционные полки. В Скопине создавался полк имени III-го Интернационала. Формировались части в других уездных центрах.

Общая численность войск Красной Армии в Рязанской губернии составляла к маю 1918 года около 3 тыс. человек. Все они комплектовались добровольцами и представляли собой партизанские отряды без четкой организационной структуры. Их личный состав не желал подчиняться любым приказам сверху. Часто такие отряды выступали не в роли опоры советских органов, а в качестве угрозы для них. Так, в Рязани в апреле революционные полки были втянуты в политическое противостояние между ВРК, где преобладали левые эсеры, и губисполкомом, который контролировали большевики.

С середины мая 1918 года создание воинских частей в регионах страны было взято под контроль центральным Советским правительством. Этим стали заниматься губернские, уездные и волостные военкоматы. На территории Рязанской губернии первоначально основное внимание уделили созданию сил, предназначенных для защиты от возможного нападения германских войск. В число этих сил входил Рязанский отдел Московского района обороны. На его основе стало формироваться соединение, получившее наименование Первой Рязанской пехотной дивизии. Ее создание шло медленно и в связи с изменившейся обстановкой — действиями внутренней контрреволюции на Восточном и Южных фронтах, туда были переброшены все наличные силы.

Декретом от 29 июля 1918 года была введена всеобщая воинская обязанность. Все военно-обязанное население в возрасте от 18 до 40 лет бралось на учет, также вводился учет и мобилизация конского состава. Первая мобилизация в Рязанской губернии в РККА была объявлена 10 сентября 1918 года (2 сентября ВЦИК Советов принял постановление о превращении страны в военный лагерь), призыву подлежали юноши 1898 года рождения. 22 сентября последовал приказ о призыве рабочих крестьян пяти возрастов 1893–1897 гг. рождения, его проведение было отложено до конца октября — начала ноября с тем, чтобы крестьяне закончили полевые работы. Как показали события ноября, кроме других факторов, сама по себе плохо организованная мобилизация послужила немаловажным условием восстания крестьян. Большая часть мобилизованных попросту не являлась{71}. В Шацке, например, явка в ноябре составила 25%. Так из сообщений комиссариатов в мае о формировании частей Красной армии видно, что не хватало обуви, продовольствия. И в этих условиях комиссариаты были вынуждены распускать мобилизованных.

Из сообщения Егорьевского военного комиссариата от 16 мая 1918 года: «Сообщаю, что в г. Зарайске сформирована Красная Армия, состоящей из пехоты, в которой в настоящее время находится по списку 184 солдата. Обучение производится нормально. Что же касается средств на содержание Красной армии, то таковых не имеется».

Сообщение Скопинского уездного военного комиссариата о ходе формирования пехотного полка имени III-го Интернационала от 18 мая 1918 года: «Людей в полку имеется по состоянию на 18 мая по списку 765 человек, налицо 752. Вооружение и обмундирование имеется в достаточном количестве за исключением обуви (необходимо иметь 2000 пар сапог и ботинок). Наличных собственных средств не имеется. Казенного отпуска недостаточно»{72}.

До декабря прошло 12 различных мобилизаций. Были призваны 1893–1899 годов рождения, унтер-офицеры, офицеры и военные чиновники старой армии, всего 53 тыс. человек.

[вверх]

Ноябрьское восстание

1918 год для Рязанской губернии, как и для всей России, был чрезвычайно тяжелым. Ее экономическое положение расценивалось как катастрофическое. Промышленное производство к началу года составляло 1/5 от довоенного уровня. Бездействовало большинство промышленных предприятий Рязани и Егорьевска, закрылись скопинские шахты, свертывались местные промыслы.

В сельском хозяйстве к весне 1918 г. была в основном завершена конфискация и передел между крестьянами по уравнительной норме нетрудовых земель, отобранных у казны, помещиков, монастырей и церкви. На 1 ноября 1918 г. рязанское крестьянство получило 793.586 десятин таких земель и 84.089 десятин, отнятых у кулаков. Однако несмотря на это, посевные площади по сравнению с 1917 г. сократились на 520 тыс. десятин. Для обработки земли не хватало сельскохозяйственного инвентаря, рабочих рук, ибо во многие сельские дома с фронтов не вернулись их хозяева. Снизилась урожайность. Сразу возникли трудности в снабжении продовольствием городов и частей Красной армии.

3 августа 1918 г. отдел хлебных продуктов губернского экономического совета сообщал, что «в распоряжении отдела никаких запасов хлебных не имеется»{73}. Введение хлебной монополии, создание комбедов, многочисленные мобилизации, действия продовольственных и реквизиционно-заградительных отрядов, дополненные злоупотреблением местных властей, вызвали к осени недовольство крестьян. Оно выразилось в открытых выступлениях против Советской власти в центральных черноземных губерниях и губерниях, расположенных вокруг Москвы, в том числе Рязанской. Еще в октябре наблюдалось брожение в разных уездах. В Занинской и Гиблицкой волостях Касимовской уезда произошли выступления{74}.

Основная масса населения голодала. Хлеб имелся в Данковском, Раненбургском и некоторых других уездах, но крестьянин сдавать его не хотел. Попытка продуктообмена (хлеб — на промышленные товары, соль, керосин и т.п.) серьезных результатов не дала ввиду скудости запасов «обменного фонда». Без товаров крепкий крестьянин — главный держатель зерна, да и середняки, государственным заготовкам сопротивлялись.

Однако заготовки, хотя с трудом, но все-таки шли. Из урожая 1918 г. властям удалось взять 1.196 тыс. пудов продовольственного и 1899 тыс. пудов фуражного зерна, что позволило смягчить продовольственный кризис. Но после отправки части хлеба голодающей Москве внутренние продовольственные резервы губернии значительно сократились. До нового урожая можно было продержаться только при очень голодной норме. Введение хлебной монополии вызвало протестные кулацкие выступления в Ряжском, Данковском, Егорьевском уездах.

[верх]

Всплески попыток мятежа имели место и раньше, но они не носили массового характера. Следует отметить, что к общим причинам недовольства добавились местные. В губернии имелись случаи нарушения законности, взяточничества, поборов с крестьян, возникали недоразумения и на религиозной почве. Так, в Архангельской волости Пронского уезда на сельском митинге было принято решение о снятии крестов с учащих и наложении штрафа на каждый двор в сумме одной тысячи рублей за наличие икон в доме{75}.

Нельзя не обратить внимание и на недостатки в ведении агитационно-массовой работы в губернии по разъяснению положения в стране, экономической политики Советского государства. Зачастую вместо метода убеждения действовал приказ. Не случайно восставшие крестьяне Плахинской волости Михайловского уезда просили дать им «разъяснение о гражданской войне», «так как местный военком этого не делает, не дает точных сведений, действует несправедливо в реквизиции лошадей и наносит удар крестьянству»{76}.

В Рязанской губернии восстания начались 1 ноября с Михайловского, Касимовского, Спасского, Сапожковского, Пронского, Раненбургского уездов, захватив вскоре и остальные, кроме Егорьевского. Это было неожиданностью для губернских и уездных властей. Еще недавно рязанский губвоенком доносил в Москву о широкой разъяснительной работе в уездах, успешной подготовке к мобилизации, удовлетворительном учете и военном обучении населения. Состоявшийся в октябре губернский съезд Советов рапортовал о благополучии на местах, хотя в ВЦИК и ЦК РКП(б) поступали тревожные сигналы из уездов. Благодушие, относительно положения дел, было и в особых органах. Инструктор ВЧК командированный в Рязанскую губернию, сообщал:

В Рязанской Губернской ЧК в настоящее время работа ведется успешно, благодаря умелым руководителям. Ведется самая беспощадная борьба с контрреволюцией, борьба со спекуляцией за отсутствием работников ведется слабее.

С 6 по 7 сентября сего года в городе Рязани состоялся 2-й съезд представителей уездных ЧК Рязанской губернии, где инструктор ВЧК выступил с докладом о ближайших задачах Чрезвычайной Комиссии на местах и инструктировал представителей некоторых слабее организованных. Съезд прошел в деловом и дружеском духе. Из докладов с мест выяснилось, что большинство уездных ЧК организованы прочно и работают успешно. 8-го сентября сего года, совместно с Скопинским уездным ЧК инструктор ВЧК приступил, согласно телеграмме Наркомвнутдел от 3 сентября к исследованию дел Штаба № — Скопинского полка.

Оказалось, что обстоятельство не столь безнадежно, как указывалось

в телеграмме. В штабе № — Скопинского полка под флагом безпартийных заброшены контрреволюционные личности. Было приступлено к тщательной «разгрузке» этого элемента. После регистрации виднейшие контрреволюционеры арестованы. Обвинительный материал передается в ВЧК.

«Еженедельник ВЧК» в октябре, не утруждая себя подробностями обвинения, опубликовал о расстрелах произведенных ЧК:

...по постановлению Рязанской губернской Чрезвычайной Комиссией:
Полежский, бывший жандармский полковник, провокатор;
Антронов, Егорьев, Головкин как контрреволюционеры...

...по постановлению Тамбовской губернской Чрезвычайной Комиссией:
Серемягин, бывший комиссар продовольствия, за спекуляцию,
мародерство, вымогательство, растрату народных денег, пьянство
и вооруженное сопротивление при аресте ЧК{77}.

В Еженедельнике ВЧК приводился Отчет о деятельности отдела преступления по должности, где показан неуклонный рост арестованных и вместе с тем уменьшение числа освобожденных: в мае арестовано — 4; июне — 19; июле — 24; августе — 49. Освобождено в июне — 9; июле — 8; августе — 8. И конечно приводятся «убедительные» аргументы в отношении чистоты рядов ЧК:

Внимание наших оппонентов. Наши оппоненты, в своей компании против ЧК, между прочем утверждали, что состав сотрудников ЧК — «случайный, невыясненного партийного характера». Некоторые же из оппонентов, под влиянием «полюемической» горячки заявляли даже, что в ЧК идут люди, «готовые заниматься бандитизмом». Ниже мы приводим сводку анкетных данных о составе ЧК. Из этих данных всем ясно, что ЧК конструируется при активном и ближайшем участии Коммунистической партии, которая и выделяла в эти учреждения своих лучших товарищей, относительно которых не могло быть никаких сомнений.

Состав ответственных работников Рязанского ЧК:
Касимовская ЧК — из 5 членов (4 коммуниста, 1 сочувствующий);
Скопинская ЧК — из 5 членов, все коммунисты;
Раненбургское ЧК — из 5 членов, все коммунисты;
Спасское ЧК из 4 членов, все коммунисты;
Егорьевское ЧК — из 4 членов, все коммунисты;
Михайловское ЧК — из 2 членов, все коммунисты;
Рязское ЧК — из 4 членов, все коммунисты;
Пронское ЧК из 3 членов, все коммунисты{78}.

Таким образом, советские органы были убеждены в правоте проводимой политике и удовлетворены качеством своей работы.

[вверх]

Одновременность выступлений, единые методы борьбы и лозунги свидетельствовали, по мнению властей, о координации выступлений из одного центра, наличии опытного военного руководства. Главными организаторами восстания в Рязанской губернии были признаны миллионер Прохоров и офицеры, многие из которых служили в военных комиссариатах и милиции{79}. Вскоре выяснилось, что руководители движения стремятся не только к срыву мобилизации, т.е. лишению Красной армии резервов, но и к разрушению ее тыла, коммуникаций, по которым идет снабжение Южного фронта и доставляется продовольствие Москве и потребляющим губерниям.

Восстание вспыхнуло в ноябре 1918 г. в Касимовском уезде, по времени оно совпало с восстанием в Шацком уезде Тамбовской губернии. Поводом послужила, как отмечалось в отчете губернской ЧК, начавшаяся без достаточной подготовки населения мобилизация в Красную армию трех возрастов (1895–1897 гг. рождения) молодежи, а также лошадей{80}.

Этой акции властей население оказало активное сопротивление. В течение 7–8 дней восстание охватило всю губернию. Местное партийное и советское руководство также оказалось совсем не подготовленным к такому развитию событий. Наиболее трудным было восстановление нормальной жизни в Касимовском уезде. Касимов — город торговый, с обилием купечества, имевшего основания быть недовольными властью Советов. Здесь же располагалось ядро уездной контрреволюции, неоднократно предпринимались попытки сопротивления действиям советских органов.

Опираясь на заречные волости, местная контрреволюция смогла распространить свое влияние на весь уезд. В самом уездном руководстве имелись люди, сочувствовавшие мятежу. Один из них. уездный комиссар земледелия И.И. Петровнин. систематически

не выполнял декреты Советской власти, вел антисоветскую агитацию.

1 ноября собранные здесь новобранцы стали требовать вооружения и обмундирования, одновременно заявляя о нежелании идти на войну. Часть из них удалось посадить на пароход и отправить в Рязань. Но подбиваемые провокаторами мобилизованные высадились в Туме, вооружились, разогнали местный Совет и направились в Касимов.

Во второй половине дня восставшие вступили в город. Им удалось занять значительную часть города. Среди населения началась паника. Большая группа восставших сосредоточилась на Сенной площади. Военный комиссар И.М. Илюшин вышел на площадь с намерением уговорить их сложить оружие и подчиниться Совету, но тут же был убит выстрелом из винтовки. Оставшиеся в Касимове мобилизованные также вооружились и вместе с прибывшими новобранцами из Тумы осадили уездный исполком.

Разойдясь по уезду, повстанцы стали разгонять Советы и убивать неугодных им членов. Пожар восстания охватывал одну волость за другой. Центром восставших волостей стало село Занины–Починки. 2 ноября солдатским собранием Занинской волости было создано управление, первым постановлением которого было: мобилизовать всех 20–35 летних и создать из них партизанский отряд.

Было предписано задерживать всех сочувствующих коммунистам. Разрешалась свободная торговля. По селам был разослан приказ, предписывавший немедленно отобрать у бывших комбедов документы и передать их новой власти. Чтобы старая власть не вернулась, всем гражданам 18–40 лет приказывалась вооружиться и с двухнедельным запасом провизии явиться на сборный пункт в село Занины–Починки.

[вверх]

5 ноября 1918 года в Касимове был создан уездный чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, который возглавил Захаров. С этой мерой уездные власти явно запоздали, ибо уже восстали Алексеевская, Гиблицкая, Китовская, Ерахтурская и Тумская волости, через неделю восстание охватило половину уезда. В Ерахтуре убили председателя волостного комитета Лунина, в Забелине растерзали начальника заградительного отряда Тугеева, в селе Алексеево — 8 красноармейцев{81}. 7 ноября всю ночь заседал исполком. В тот же день в Касимов пришли два пассажирских парохода «Ленин» и «Троцкий». В пути их обстреляли и задержали мятежники около пристани Забелино. Там четверо вооруженных повстанцев арестовали 30 конвоиров, ехавших в Касимов для приемки лошадей, и отправили их в Сынтул{82}.

Уездный комитет РКП(б) и исполком запросили срочную помощь из Рязани, и она была оказана. На пристани «Забелино» высадились владимирский отряд. В Сынтуле им были освобождены 30 конвоиров, ранее арестованных восставшими. Утром 7 ноября владимирцы прибыли в Туму и двинулись походным порядком по дороге Тума — Касимов к уездному центру. В двух верстах от села Алексеево отряд обстреляли. В результате ответных вооруженных залпов и пулеметных очередей, как записано в отчетной справке, «толпа вооруженных хулиганов и подстреканная ими толпа невооруженных крестьян, согнанная под страхом расстрела и сожжения селения, численностью около 3 тысяч человек, бежала»{83}.

Руководители мятежников скрылись. По пути следования отряда в деревнях и селах проводились митинги. Населению разъяснялась сущность текущего момента и политики Советской власти как защитницы интересов всех трудящихся, опасность контрреволюции для судьбы рабоче-крестьянского государства.

Одновременно выявлялись главари восстания. Их дела рассматривал военно-полевой суд. На основе его решений в деревне Степново Погостинской волости были расстреляны 8 человек — жителей деревень Петрушево и Гиблицы. В селе Алексеево — 9 человек из деревень Ужинцево, Мягово, Ломакино. В самом Касимове 13 ноября «за активное и пассивное участие в белогвардейских мятежах» были расстреляны 13 человек (10 горожан, 3 — выходцы деревень Погари, Божаново, Коростино){84}.

В числе расстрелянных оказались Н.А. и М.Н. Мансуровы, участия в мятеже не принимавшие. Н.А. Мансуров в течении 13 лет был председателем Касимовской земской управы, летом 1918 года был незаконно арестован местной ЧК, но был освобожден под личное поручительство наркома земледелия РСФСР С.П. Середы.(Н.С. Булгакова, Крестьянское восстание в Рязанской губернии (ноябрь 1918 г.)

Три дня спустя, 16 ноября, был вынесен и приведен в исполнение приговор о расстреле еще 7 человек, среди которых находилась бывшая помещица из Гуся Железного З.И. Баташова и бывший уездный комиссар земледелия И.И. Петрунин{85}. Всего после подавления восстания расстреляли 20 заложников — представителей «буржуазного класса».

Из доклада о причинах и ходе контрреволюционного белогвардейского восстания в Касимовском уезде 5–7 ноября:

Жертвы контрреволюционного выступления: В Касимове убит военный комиссар — коммунист т. Илюшкин. На пароходе в Забелине, зверски растерзан начальник Копановского заградительного отряда т. Тугеев. В с. Ерахтуре зверски убит т. Лунин. В с. Булгакове, при разоружении

отряда красноармейцев, убиты и обезображены до неузнаваемости 2 красноармейца. В с. Погосте Китовской бандой растерзаны 3 советских работника — коммунисты. В с. Алексееве убито 8 красноармейцев. В с. Заниных–Починках семьям оставшихся коммунистов мазали дегтем языки. Количество жертв со стороны контрреволюционеров выяснить не удалось. Расстреляно кулаков и буржуазии в Касимове и уезде до 150 человек (точное число расстрелянных выясняется). Главари восстания успели скрыться, фамилии их известны, и принимаются меры к их поимке{86}.

[вверх]

Первые тревожные сообщения стали поступать из Шацка (тогда в составе Тамбовской волости). Уже 2 ноября оттуда доложили, что в уезде неустойчивое положение, а многие волости вообще отказались от призыва. На следующий день весь Шацкий уезд был охвачен восстанием. Ночью по телефону шацкий военрук доложил в Тамбов:

Вы знаете, осложнения переходят в открытое контрреволюционное восстание. В целом 5 волостей ими захвачены — волсоветы, телефонные сети. Высланные нами отряды отступают под давлением хорошо вооруженных восставших. Наши реальные силы недостаточны. Немедленно шлите подкрепления, так как восстание разрастается. Город уже окружен. Наши силы смогут продержаться до ночи.

К вечеру 3 ноября Шацк был полностью окружен, а 4 ноября захвачен восставшими. Только экстренная помощь из Тамбова, Моршанска и Пензы позволила освободить город. Но уезд по-прежнему был в руках восставших крестьян. Из освобожденного города докладывали: «Связь с уездом прервана, но данные, что все волости либо идут на Шацк, либо ведется пропаганда наступления» {87}

О подробностях выступления известно из протокола заседания губернской конференции Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 5 декабря 1918 года:

Накануне бунта в Осокинской волости вспыхнуло восстание, они вооружились дробовиками, вилами и пр. Туда был послан отряд, который был встречен стрельбой. После перестрелки село было взято и 2 зачинщика расстреляны. Затем восстание перекинулось на соседнюю Янинскую волость, где также организовались и вооружились кулаки.

В городе тем временем мобилизовали всех коммунистов. Красноармейцы были наготове, создали военно-революционный штаб. В Янинскую волость посылали отряд, который арестовал 3 зачинщиков. Вспыхнуло в Ямбирне, узнали о восстании, отправили туда, там были вооруженные даже бомбами и винтовками мобилизованные. В Ямбирне 1 расстрелян.

Восстание перекачивалось дальше. Банды вооружились и, соединившись из 5-ти волостей и отделившись отрядом человек 300, двинулись наступать на город. Мы по ним открыли стрельбу из винтовок и 5-ти пулеметов, после нескольких пулеметных очередей банда рассыпалась, думали, что уже больше не будет. Как неожиданно, по одному, огородами и глухими улицами к центру города стали собираться восставшие, засели в домах и открыли стрельбу.

Восставшие устроили заставы на всех дорогах и, когда ехал автомобиль из Сасова с 2-мя пулеметами, они открыли по нему стрельбу, пробили радиатор у автомашины и взяли пулеметы. Положение стало еще серьезнее, почти весь город был в руках восставших, кроме чрезвычайкома и казначейства. К счастью, прибыл своевременно отряд Тамбовской ЧК и открыл стрельбу из орудия, после чего восставшие разбежались кто куда мог. Большинство побросали оружие.

В волостях продолжалось восстание благодаря ложным слухам. Приходилось в некоторых волостях открывать огонь, потом расстреливать кулаков и агитаторов. В некоторых волостях было по 40–50 расстрелянных. **Всего во время беспорядков расстреляно человек 500.**

Теперь вылавливаем зачинщиков. По допросам арестованных и по документам убитых установлены руководители — бывшие офицеры и попы. Всего расстреляно 6 попов (Священник Иоанн Островский был убит прямо в храме за то, что отпевал погибших во время восстания крестьян. В тот же день в селе Агломазово был убит священник Петр Пробатов, в последующие дни в селах Чернояр и Песчанки священники

Петр Кудрявцев и Иоанн Смирнов — прим.).

Был издан приказ о сдаче винтовок и оружия. Сдали до 400 винтовок, по нашему мнению, много скрыли, их должно быть до 1500 штук. Взята контрибуция ... Во время борьбы с нашей стороны было 10 раненых и 5 убитых{88}.

Считалось, что отношение населения к Советской власти здесь как и везде: рабочие и деревенская беднота за Советскую власть, средние крестьяне — нейтральны, зажиточные — по большей части враждебны. Но эти оценки были опровергнуты в первые же дни восстания в Шацком уезде. В нем участвовали не только средние крестьяне, но и часть бедноты. К 5 ноября восстание перекинулось на граничивший с Шацким — Елатомский уезд, где восставшие крестьяне окружили пролетарский центр — железнодорожную станцию Сасово. Ввиду крайне тяжелого положения мобилизацию 7 ноября в Тамбовской губернии пришлось приостановить и собрав все наличные силы 8 ноября власть подавила мятеж в Шацке.

[вверх]

Характерно, что все крестьянские мятежи развивались по одинаковому сценарию. Обычно по звону набатного колокола на площади села собирались, а иногда сгонялись жители. Начинался митинг. Выступали как свои, местные, так и приезжие. Судя по имеющимся документам, это были бывшие офицеры царской армии, местные богатеи и их сыновья, иногда учителя и священнослужители, а в Пронском, Раненбургском, Данковском — эсеры, в том числе и левые. Ораторы говорили справедливо о бедствиях народа, обвиняя во всем Советскую власть, призывали к ее свержению, лживо утверждали о ее падении в других уездах, губернском центре и столице России.

Как писалось в Известиях от 26 ноября 1918 года:

В некоторых губерниях в связи с мобилизацией, отчасти и реквизицией продовольственных продуктов, кучки контрреволюционеров, кулаков, пользуясь тяжелым положением беднейшего населения побуждают его к выступлению против Советской власти. Контрреволюционеры распускают в деревнях невероятные слухи о свержении Советской власти в Москве, Петрограде и других городах. Так в деревнях Егорьевского уезда носились слухи о свержении Советской власти в губернском городе, т.е. в Рязани, наоборот циркулировали чудовищные слухи о размерах восстания в уезде.

На митингах принимались воззвания к согражданам. Так, 7 ноября 1918 г. митингующие — 7 тыс. человек, Плахинской волости Михайловского уезда в принятом «Протоколе митинга», который предполагалось сделать известным всему уезду, заявили:

Мы требуем очистки всей власти, как верх, так и низ, и настаиваем, что на VI Всероссийском съезде Советов должны присутствовать не только коммунисты, но весь трудовой народ, так как все наши коммунисты показали себя тем, что защищали свои интересы, но не интересы трудового народа.

Воззвание, принятое в Остроуховской волости Михайловского уезда, констатировало присоединение к восставшим Плахинской, Токаревской и Вороньевской волостей. В нем также звучал призыв к гражданам «быть наготове свергнуть свои советы», «встать, как один человек, по первому зову руководителей».

Едиными были и лозунги: «Долой Советскую власть!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Воззвание Бахмачевской волости заканчивалось словами: «да здравствует Российская федеративная республика!»{89}. Воззвания однотипны по содержанию и в большинстве случаев в них чувствуется рука опытных составителей.

После митинга, а в некоторых волостях и во время его проведения или до его начала, следовал разгром сельсовета, комбеда, зверская расправа с его руководителями, работниками ЧК, коммунистами. Издевательства подвергались и члены их семей. Примером могут служить события в Сапожковском уезде.

Эсер Торчиков поднял мятеж в деревне Березовка, начались волнения в селах Уда и Новокрасное. 4 ноября восстали крестьяне села Покровское, деревень Кашино и Стержовка. Призывники из села Путятино отказались явиться в уездный военкомат, разгромили волисполком и разоружили волостных милиционеров{90}.

[вверх]

4 ноября в волостном центре Чучково с утра крестьяне стали собираться на мобилизацию. Они привели с собой и коней. Настроение было вполне мирным. Когда же началась приемка лошадей, крестьяне неожиданно заволновались, что дает основание предположить о проведенной среди них активной агитации. Собравшиеся заявили об отказе «дать своих лошадей и парней для службы в Красной Армии». Одновременно несколько человек

бросились на председателя местного комбеда Грачева. Его били камнями, палками, ранили выстрелом из ружья и доби́ли штыком. Был убит и председатель волисполкома Фролов. Начали искать членов сельского Совета, но они скрылись.

Бывший офицер Г.М. Козлов, занимавший пост военкома в Чучкове и оказавшийся в рядах мятежников, отправился искать комиссара местного ЧК Строкова. Стали избивать коммунистов. В военкомате мятежники захватили оружие. Руководили всем происходящим жители села Воскресенское Н.Г. Гуляев и его брат прапорщик И.Г. Гуляев. По набату люди собрались на площадь, где состоялся митинг. Его организаторы, искажая факты, сообщили «о ликвидации Советов в Сапожке», призвали к объединению сил.

Было принято решение послать своих агитаторов в другие волости. В заключение избрали новый состав сельского Совета без коммунистов — председателя И.В. Макарова, заместителя Я. Козлова{91}.

На Чучковской земле был провозглашен лозунг будущих кронштадцев: «Советы без коммунистов!» Поставил охрану, организовал оборону села Л.Е. Клюев. Он же послал часть сельских парней на 927 версту железной дороги разобрать часть пути, разоружить железнодорожную милицию. Договорились идти на следующий день в село Желудово для объединения с другими повстанцами с целью организации наступления на Сапожок.

Примерно в это же время в селе Конкино собравшиеся на площади крестьяне пошли к избе председателя сельсовета Демина, вызвали его на улицу и забили до смерти. В селе Песочня толпа растерзала начальника Сапожковского уездного ЧК Кузнецова и следователя ЧК М.С. Медведева, пытавшихся предотвратить мятеж.

6 ноября между деревнями Петровка и Сасыкино состоялся митинг, в котором участвовали мятежники из Песоченской, Лукмосской, Желудевской волостей. Приняли решения идти на Сапожок, создали отряд, имевший на вооружении 4 пулемета, 100 винтовок, 50 ящиков патронов{92}. Все это было отобрано у местных красноармейских отрядов. Возможно, что сюда попало какое-то количество винтовок из числа захваченных мятежниками 6 ноября в селе Александровка, которые отправлялись в Рязанский губвоенкомат для нужд фронта.

У села Лукмос повстанцы разбили и заставили отступить отряд латышей, заняли станцию Мосолово, поставили караул у телеграфного аппарата.

К 7 ноября восстание охватило весь уезд за исключением Сараевской и Борецкой волостей. Кроме того, оно распространилось и на другие уезды. В ответ на это в Сапожке создается революционно-военный комитет, который возглавил председатель уездного исполнительного комитета М.П. Карелин, а сам уезд был объявлен на военном положении. Одновременно с этим создаются боевые отряды из мобилизованных коммунистов и добровольцев, которые направляются в мятежные волости. Возглавили отряды члены укома и уисполкома И.И. Говорков, П.П. Огольцов, С.П. Губарев, А.К. Рогов, В.В. Самсонов, Т.Е. Попов.

Утром 7 ноября из села Александровка, где штабс-капитан царской армии Зверев организовал штаб мятежников и куда стягивались вооруженные силы из других волостей, выступили два вооруженных отряда и двинулись к Сапожку. Против них вышел из города и занял оборону на его окраине отряд уездной ЧК под командованием И.С. Шемонаева и командиров взводов В.С. Самодурова и А.А. Синицына. Попытка переговоров не состоялась. В ходе боя часть мятежников была разбита. Однако другая их группа под командованием Зверева сумела скрытно пробраться к Сапожку и ворвалась в город со стороны Шацкой слободы. Здесь их встретили бойцы караульного взвода, сумевшие рассеять мятежников. Зверев в перестрелке был убит.

8 ноября к кулацким элементам села Александровка присоединились села Черная Речка, Смыково, Собчаково. Повстанцы окопались у чернореченского леса и ждали пополнения из других сел. Внезапное нападение отряда уездного ЧК и местных коммунистов смяло их ряды. Жители же села Черная Речка вышли навстречу отряду ЧК, заявив о своей поддержке Советской власти и сами выдали трех организаторов мятежа, которые были расстреляны (Обычная практика крестьян, чтобы предотвратить лишние жертвы — прим.). В течении двух недель мятеж в уезде был ликвидирован с помощью местных сил и отрядов, присланных из губернского центра.

Из книги Гарасевой А.М.:

Город был вооружен, на каждой колокольне стояли пулеметы, и отсюда высылали карательные отряды с тем, чтобы за каждого убитого красноармейца сразу же расстреливать десять жителей. Восставшие были плохо организованы и еще хуже вооружены. Против винтовок и пулеметов крестьяне шли с кольями и вилами, в кузницах и мелких мастерских спешно ковали копья и пики — крестьяне бились за свою извечную мечту, за землю. Один из братьев матери... работал в Песочне — она рядом с Сапожком — механиком на спиртоводочном заводе и снабжал восставших крестьян пиками, которые ковали в мастерской завода. По его словам, в дни, когда завод стал ничьим, администрация решила спустить все запасы спирта реку: если народ напьется, то с ним уже не справиться. Вода в реке превратилась если

не в водку, то в вино, и сбжавшийся народ черпал ее разной посудой и пил прямо из реки до одурения, сколько смог вместить. Многие тут и тонули{93}...

[вверх]

За время мятежа в Сапожковском уезде, отличавшегося чрезвычайной жестокостью, были не только разгромлены волостные исполнительные комитеты, разграблено их имущество, но и убито 242 человека, 78 из которых являлись партийными и советскими работниками. Жертвы подвергались страшным издевательствам. Прежде чем убить Крестьянинова, члена Можарского уисполкома, инвалида войны, ему выкололи глаза, раздробили руки, отрезали язык и когда он, собрав последние силы, прохрипел «Да здравствует Советская власть!», ему ударили в лоб колом с такой силой, что тот вышел через затылок{94}.

В первых числах ноября восстание перекинулось и в ряд других уездов, среди которых особенно выделялся Пронский уезд. Накануне годовщины Октябрьской революции пронские призывники, недовольные мобилизацией в Красную армию, прогнали красноармейцев из Пронска, отобрали у них лошадей.

Здесь выступления начались в Столпянской волости. 6 ноября из деревни Мелешино толпа крестьян пришла в волостной центр. Подошла к зданию Совета села Столпцы. 6 ноября восставшие зверски расправились с заведующим волостным продовольственным отрядом Предтечинским, фронтовиком, пытавшегося бежать из Столпцов. После того, как Предтечинского догнали, избили и привели в село, крестьянин Краушкин ударил его камнем по голове, офицер Дроздов из деревни Муняково зарубил его шашкой. Стали быстро распространяться слухи, что Советская власть переживает последние часы, что уже во многих городах, в том числе в Москве и Петербурге, она уже свергнута.

Выступление охватило 6 волостей из 18. К 9 ноября оно перекинулось в Незнановскую и Кораблинскую волости Ряжского уезда. Мятежники двинулись к станциям Хрущево, Старожилово, Чемодановка, чтобы блокировать железную дорогу. Количество активных участников достигало 3 тысяч, из них винтовки имели 200 человек{95}.

В Пронске и Столпянской волости распространялись призывы свергать Советы, идти на железную дорогу, разбирать пути, захватить станции и подвижной состав. В селе Столпцы молодежь призывных возрастов избил председателя земельного волостного отдела, после чего организовала отряд для свержения Советской власти. В селе был создан штаб по руководству восстанием, в который вошли зажиточные крестьяне Антропов, Котельников, Огурцов, Сакулин, Орловский, братья Сутанкины, Кочетковы, Братанов, кулак Плоткин, офицер Солодов и штабс-капитан Слюз, сын помещика из деревни Назино.

На хуторе Плоткина штаб провел заседание и разработал план действий. Штабс-капитан Слюз и бывший офицер Никонов объявили мобилизацию всех мужчин до 50 лет. Узнав об этом, 5 ноября начальник 2-го участка милиции Тихонов с 8 конными милиционерами выехал в село Столпцы. При приближении милиционеров к селу послышался набатный звон местной церкви.

После того, как отряд вошел в Столпцы и остановился у одного из домов, масса молодежи с винтовками и дробовыми ружьями окружила его. Милиционеры отстреливаясь стали пробираться к станции Хрущево, где находился второй участок милиции. В Суйской волости восставшие жестоко избили председателя волысполкома, разгромили волостной совет, а в селе Старожилово избили коммуниста Ерошкина{96}.

6 ноября из Пронска для ликвидации восстания выступил конный отряд милиции из 35 бойцов под командованием начальника пронской уездной милиции В.А. Зеленова и взвод красноармейцев под командованием местного военкома.

7 ноября на помощь им была вызвана рота красноармейцев из Рязани из 60 бойцов с двумя пулеметами. Соединенные силы милиции и красноармейцев двинулись по направлению к селу Столпцы. При приближении к селу, в нем и окрестных селах набатом зазвонили колокола, по которому быстро стекались восставшие.

Увидев численное превосходство, отряд красноармейцев рассыпался цепью, конный отряд милиции В.А. Зеленова переместился назад. Через некоторое время командир рязанского отряда стал настойчиво просить о том, чтобы милиционеры присоединились к цепи, но Зеленов пояснил, что кавалерия должна находится в резерве и заверил, что в случае атаки конница поддержит пехоту. Затем конный отряд милиции разбился на две группы и занял правый и левый фланги красноармейцев. После перестрелки пехота побежала назад, отряд милиционеров прикрывая отход, сдерживал наступление восставших. Около 10 верст восставшие гнали красноармейцев и милиционеров, после чего прекратили преследование{97}.

В результате была занята станция Хрущево, восставшие под командованием штабс-капитана Слюза разобрали рельсы, разгромили почту и участок милиции. В тот же день ухорские, муняковские, ершовские, шелковские крестьяне под командованием офицеров Петрова и Дроздова пошли на станцию Проня, по пути в селе Перевлес разгромив почту и волсовет, а также разобрали рельсы на мосту через реку Проня{98}.

К 7 ноября восстание охватило Перевлесскую, Соболевскую, Чернобаевскую, Юраковскую, Панкинскую волости, затем перекинулось на Незнановскую волость Ряжского уезда. 8

ноября на село Истья с двух сторон наступали восставшие Перевлевской волости, руководимые бывшим офицером Градовым и старшиной Чебаринными и восставшие Чернобаевской волости.

[вверх]

Ввиду создавшегося положения Чемодановская партия обратилась за помощью в Рязск. 8 ноября из Рязани выдвинулся красноармейский полк с артиллерией и кавалерией, к нему присоединились Скопинский отряд ВЧК, в состав которого входили латышские стрелки и Егорьевский отряд. Затем в Чемодановку выдвинулся отряд из Рязска, прибыл бронепоезд из Козлова с отрядом добровольцев из 175 человек с пулеметами. На станции Хрущево бронепоезд обстрелял восставших, после чего они разбежались. Затем бронепоезд встал у моста через р. Истья, возле которого были разобраны рельсы. Здесь к советским войскам присоединился рязанский отряд. Боевые действия продолжались до 9 ноября, отряд восставших был разбит.

В ночь на 9 ноября конный отряд милиции под командованием В.А. Зеленова занял село Панкино, где был разгромлен волсовет, произвел аресты 40 зачинщиков и отправил их в распоряжение уездной ЧК. Отряд, двигаясь по Долматовской волости, восстанавливал разгромленные волсоветы и произвел арест еще 55 зачинщиков восстания. Соединившись с остальными силами, объединенный отряд выступил для полной ликвидации мятежа в Суйскую, Соболевскую, Столпянскую, Перевлескую волости, по пути восстанавливая Советы и комбеды. Одновременно с отрядом пронской милиции подавлял восстание отряд ЧК, прибывший из Москвы на станцию Старожилово. Только в Ухолово чекисты расстреляли 9 активных участников восстания{99}.

Впоследствии, о подробностях восстания стало известно после ареста ЧК начальника пронской милиции В.А. Зеленова. Причины его ареста и некоторые подробности восстания описаны в воспоминаниях члена Пронского уездного комитета А.П. Рыжова:

Проводили годовщину Октября. Но не успели пообедать — еще во время торжественного заседания приехал верховой и сообщил, что в Столпянской волости эсеры и кулаки с помощью попов подняли восстание и направляются разрушать железную дорогу. Восставшими руководит бывший офицер Слюз. Тут же уком решил всех коммунистов собрать на собрание, вооружится и двинуться на станцию Хрущево. Начальником отряда был назначен Прусаков.

Когда отряд прибыл на станцию Хрущево, там стоял поезд с небольшим орудием, а в товарном вагоне было несколько человек арестованных. С орудием был отряд, присланный из Рязани, под командой Куценко. Восстание было ликвидировано, а Слюз сбежал. Наш отряд возвратился в Пронск.

В тот же день получили известие, что такое же восстание организовано в Долматовской волости. Я поехал туда. Приехав в деревню Хрущево Долматовской волости, увидел, что эсеры активизировались и совместно с кулаками организуют массы на выступление, а активистам из бедноты угрожают расправой.

Я поехал в Тырново и оттуда вызвал из Пронска отряд милиции. Приехало 8 конных милиционеров во главе с начальником милиции эсером Зеленовым, который уснул на лугу, а в это время за деревней собрались кулаки и подкулачники из нескольких деревень и собирались идти на Пронск. Я попытался убедить Зеленова принять меры, но он сказал, что ничего серьезного нет. Я взял на себя руководство отрядом и собрание было рассеяно, а Зеленов по возвращении в Пронск был арестован, но из тюрьмы сбежал. Сбежали также предисполкома эсер Чудаков, секретарь волисполкома Катин{100}.

Опасным для губернии являлось восстание в Михайловском уезде. 1 ноября в Михайлове мобилизованные и проходившие военное обучение крестьяне, захватив оружие, разошлись по уезду, грома Советы и комбеды. Арестованных советских работников восставшие собрали в школе на станции Виленки и готовили над ними расправу.

4 ноября восстание перекинулось в Ижеславскую волость. 5 ноября перекинулось в Глебовскую. 7 ноября — в Трепольскую, а 8 — в Плахинскую, Зиминскую, Токаревскую. Тогда же к восставшим присоединились и многие населенные пункты Бахмачеевской волости Рязанского уезда. Более того, 11 ноября восстание захватило Остроуховскую, Виленскую, Воронье-Выселскую, а 12 ноября к мятежникам присоединились Малинковская, Горностаевская, Жокино-Городищенская, Жмуровинская волости Михайловского уезда.

Одной из главных задач восставших являлась подготовка наступления на Михайлов и его захват. Советы Михайловского уезда присоединились к восставшим. Средние крестьяне и беднота во многих местах поддержали выступление мобилизованных{101}.

В Плахинской волости возглавил штаб восстания председатель волсовета Туманов, а его помощниками были матрос-дезертир из Кронштадта Никитин и местный дьякон. Крестьяне соседних селений Михайловского и Рязанского уездов создали свой штаб в Плахинской волости, откуда рассылали агитаторов с воззваниями в другие волости и уезды. Штаб восставших Плахинской волости находился в селе Плахине.

7–8 ноября оратором на митинге выступил дьякон Дмитрий Никольский, который призвал к свержению Советской власти. «У контрреволюционных элементов было создано «войско со штабом», в штабе дьякон все-таки принимал деятельную работу, как то: он рассылали воззвания среди граждан соседних селений и арестовывал советских работников. Из «штаба» увольнял не понравившихся ему подозрительных лиц, устанавливал за ними даже шпионаж и т.д.» Следствием было установлено, что Никольский выступал на собраниях и призывал к свержению Советской власти, в предложенной резолюции митинга требовал самосуда над гражданами, отказывающимися принять участие в контрреволюционном выступлении, под угрозой виселицы и расстрела, заставил бывших офицеров Трагина и Русакова принять командование над восставшими{102}.

В селах Ижевском, Новом и Старом Киструссе штабами мятежников руководили местные военуки Мельников, Любомиров, инструктор всеобуча Тарасов, учитель Ракчеев, левые эсеры Гутков и Макшин, бывшие офицеры Чельцов, Николаев, Алексеев{103}. Общее руководство осуществлял штабс-капитан Голубкин.

На 12 ноября в восстание было втянуто 20 волостей уезда. Отряд уездного Совета был разбит повстанцами в первые же дни. Город Михайлов был окружен многотысячными толпами крестьян, вооруженных вилами и топорами.

Широкий размах крестьянских выступлений в уезде не позволил местным партийным и советским властям подавить восстание собственными силами. Прибывший 9 ноября отряд из Рязани — 24 человека при одном пулемете, попал в засаду, потерял 9 бойцов убитыми, одного раненым.

В уезд направляется Московский летучий отряд — 90 человек, под командованием Яшвиля, Егорьевский отряд ЧК — 30 человек и группа железнодорожной охраны численностью 50 человек{104}.

К 14 ноября выступления в Михайловском уезде были ликвидированы.

В Спасском уезде восстание, как в Касимове и Михайлове, началось с отказа идти на фронт и самовольного ухода мобилизованных из города. В движение была втянута и беднота 7 волостей. Штабы повстанцев здесь, по данным советских источников, состояли из левых эсеров и офицеров. Восстание началось во время уездного съезда, на котором было представлено 80 коммунистов и 75 левых эсеров{105}.

Секретарь уездного комитета РКП(б) В. Новиков в своем докладе о событиях в уезде приукрасил состояние политического просвещения крестьянства, руководство Советами и комбедами. Об истинных настроениях крестьян уком партии не был осведомлен. Только когда на съезде выяснилось угрожающее положение, фракция коммунистов создала отряд для борьбы с восстанием. На съезде фракция левых эсеров не спешила отмежеваться от восставших. Часть ее разошлась по волостям, став членами повстанческих штабов{106}.

14 ноября в с. Киструсь был взят уездный штаб мятежников, в состав которого входили левые эсеры из волостных военных руководителей и милиционеров{107}.

[вверх]

В Раненбургском уезде восстало 12 волостей. Выступили под общим лозунгом: «Долой Советы! Да здравствует Учредительное собрание!». Был создан штаб и установлена конная связь между волостями. Шереметьевскую волость занял отряд восставших численностью в 50 человек, имевший 2 пулемета. Средство на мятеж дало зажиточное крестьянство.

Особенно массовый характер крестьянское движение приобрело в Колыбельской волости, где количество активных участников достигло 2 тысяч. Однако на вооружении они имели лишь около 40 винтовок, а у остальных — топоры, вилы, дробовики. 13 ноября мятеж был ликвидирован. Участвовали в подавлении Остаповский, Козловский, Каширский, Павелецкий, Данковский отряды{108}.

В Зарайском уезде мятеж вспыхнул в Булыгинской волости 10 ноября, когда во многих местах губернии крестьянские выступления удалось уже подавить. К Булыгинской примкнули Григорьевская, Ильцинская, Макеевская волости. Как и в других уездах, восставшие разгоняли сельские Советы, комбеды, избивали волостных и сельских старост. Наиболее видными руководителями мятежа в Зарайском уезде были сын местного богача Смагин. Штабс-капитан Алексеев, Романов и бывший матрос Филиппов.

В ответ на выступления крестьян в указанных волостях местные власти сразу ввели чрезвычайное положение в Зарайском уезде, создали военно-революционный штаб, не надеясь на свои силы, вызвали помощь из Коломны. Объединенный отряд численностью 120 человек при одном пулемете во главе с председателем Коломенского ЧК Лабановым и председателем Зарайского уисполкома Широным выехал на станцию Дивово, а оттуда — в село Григорьевское, где находился штаб восстания.

В полночь произошло столкновение с засадой повстанцев, в ходе которого погиб красноармеец Коломенского отряда Ксенофонов. В Григорьевском были проведены

обыски, изъяты 11 винтовок. Расстрелы не проводились, так как выяснилось, что основная масса населения волости, состоявшая из бедняков, участвовала в выступлении под нажимом богатых.

На прошедшем в Григорьевском собрании были восстановлены комитет бедноты и сельсоветы. Далее объединенный отряд проследовал в Булыгинскую волость, причем по пути к нему присоединился отряд Краузе. Советская власть в мятежных волостях была восстановлена. В ходе прошедших арестов были задержаны 8 человек, в том числе трое руководителей выступления. Штабс-капитану Алексееву, одному из главных организаторов мятежа, удалось скрыться{109}.

Кроме коломенского отряда в подавлении участвовали броничий отряд — 51 красноармеец, рязанский отряд 68 красноармеец{110}. Из Резолюции общего собрания граждан Каринской волости Зарайского уезда от 11 ноября 1918 года: «Приветствуем внутренний способ борьбы с буржуазией, красный массовый террор, зная, что этим мы у господ помещиков и фабрикантов выьем из головы мысль опять господствовать над нами. Мы, беднота, приветствуем и будем поддерживать всеми силами комитеты бедноты, как свое оружие борьбы с кулаками, которые иногда дают себя чувствовать нам, беднякам деревни»{111}. Вот так в России всегда, если власть не заботится и не борется с бедностью, то беднота начинает обязательно бороться с богатыми.

По событиям ноября в губернии необходимо отметить, что губернским военным комиссарам Шуковскому и Гусарову, как и другим должностным лицам, была свойственна ограниченка серьезности происходящего в уездах. Получив тревожные сведения, Гусаров ограничился посылкой в некоторые уезды агитаторов и приказов о принятии решительных мер. В уезды посылались небольшие отряды, но связи с ними губвоенком не имел. Отряды были разбиты повстанцами. В Алексеевской волости Касимовского уезда отряд губвоенкома был взят в плен, в Михайловском уезде отряд ЧК из 20 человек уничтожен крестьянами{112}.

В Сапожковском уезде толпой был растерзан командир взвода ЧК Кузнецов{113} и т.д. Сил в губернии явно не хватало, но Гусаров отказался от помощи МВО, упустив время и возможность ликвидировать восстание на начальной стадии. Только 7 ноября в губернии было введено военное положение, в уездах созданы военно-революционные Советы и сформирован отряд в 1 тыс. человек{114}.

9 ноября 1918 года начальник обороны Рязани Ефимов и военком Московского округа Н.И. Муралов получили приказ главкома вооруженных сил республики И.И. Вацетиса и Члена РВС К.Х. Данишевского объединить все войсковые части и отряды{115}. В тот же день решением губернского исполнительного комитета создается военно-революционный совет для борьбы с контрреволюционными выступлениями во главе с губернским военным комиссаром Гусаровым и Шешуковским, о чем телеграфно было доложено председателю РВС республики Л.Д. Троцкому{116}. Вскоре МВО пришлось значительно увеличить карательные отряды, доведя их численность до 100–650 человек на уезд{117}.

Для снятия осады уездных городов, взятия укрепленных селений, где размещались штабы повстанцев, проводились настоящие военные операции. Командиры отрядов, посланных на ликвидацию восстаний, отмечали, что, как правило, толпа повстанцев «испарялась», как только издали слышала выстрелы; «крестьяне не выносят стрельбы, особенно пулеметной»{118}.

[вверх]

Надо заметить, что советское руководство губернии и в эти критические дни продолжало носить своими указаниями раскол в деревню, давая полномочия комитетам бедноты при наличии законных органов советской власти на селе и толкая их на разграбление практически любого богатого крестьянского хозяйства.

Из приказа командующего вооруженными силами губернии о мерах борьбы с кулацкими восстаниями в губернии:

Комитетам бедноты немедленно взять на учет население сел (деревень) от 18 до 50 лет включительно, установить лиц, присоединившихся к контрреволюционным бандам, представив списки таковых в уездные Совдепы, имущество восставших крестьян, изменников делу рабочих и беднейших крестьян, взять в распоряжение комитета бедноты, принять все зависящие от них меры к поимке участвующих в восстании и доставить таковых в распоряжение уездных военных комиссариатов. Виновных в укрытии лиц, присоединившихся к контрреволюционным бандам, **расстреливать на месте**, а имущество их конфисковать.

Только одного этого положения приказа было достаточно, чтобы в губернии с новой силой вспыхнул бунт, поскольку большому числу крестьян или их семьям, при его выполнении грозила смерть без суда и следствия{119}.

В подавлении восстания участвовали отряды: Московский летучий под командованием Яшвиля — 90 человек, Коломенский во главе с председателем УЧК Лобановым — 120 человек, под командованием Краузе — 90 человек, Владимирский — начальник отряда Михайлин, военком Данилин, политкомиссар Перстень, Егорьевский отряд ЧК — 30 человек, патышских стрелков — 70 человек. Кроме этих действовали местные отряды ЧК

материалах стрелков — 70 человек, кроме этих десяти были также стрелки их численностью от 14 до 120 человек, мелкие красноармейские части, железнодорожная охрана — 50 человек. В подавлении мятежа в селе Незнаново Рязского уезда участвовал следовавший на фронт Советский полк, который обстрелял село из пушек, а в селе Кораблино — отряд коммунистов под командой Когоухова{120}.

Списки расстрелянных сохранились в делах Государственного архива Рязанской губернии (ГАРО). Так в Скопине были расстреляны 5 человек, Раненбурге — 1, Ухолове — 7, Сапожке — 11 активных участников восстания. В Егорьевском уезде за грабежи были казнены 6 человек. В Касимовском уезде было расстреляно: в Тумской волости 9 человек, в деревне Степаново Погостынской волости 8 человек, в деревне Гавриной Сынтульской волости 4 человека, в Касимове только в течение 16 ноября — 7 человек. В Сапожковском около 100{121}. По официальным данным, в Бахмачеевской и Екимовской волостях Рязанского уезда расстреляно соответственно 13 и 9 повстанцев{122}.

Рязанская ГубЧК расстреляла 40 кулаков в селе Хомутовка Спасского уезда, 15 участников восстания в Раненбургском уезде, 2 участников самосуда в селе Спас-Клепики. В Алексеевской волости Касимовского уезда, где был уничтожен отряд красноармейцев, карательными отрядами было расстреляно 12 человек и наложена контрибуция.

В Касимовском уезде расстреляно около 150 человек, в том числе представителей духовенства. Жертвами карателей стали священник Матфей Рябцев и Николай Динариев. Последний отслужил напутственный молебен повстанцам, шедшим через его село Данево на Касимов. Расстрел был произведен у стены Касимовского кладбища. В Пронском уезде около 150 человек{123}. С 1 ноября по 1 декабря 1918 года по губернии было арестовано 300 человек{124}.

Что касается приговоров Революционного трибунала для участников выступлений, то в Рязанской губернии они выносились относительно мягкие, если, конечно, человек не участвовал в убийствах представителей власти или красноармейцев. В основном приговор осужденным выносился в виде нескольких лет тюремного заключения, которые затем обычно сокращались по амнистии. Например, в приговоре участникам выступления в селе Константиново Давыдовской волости Касимовского уезда указывалось: «Ввиду того, что подсудимые (8 человек) не представляют собой контрреволюционного белогвардейского или кулацкого типа ... подвергнуть всех обвиняемых условному лишению свободы с общественными принудительными работами на срок от 3 до 1 года»{125}.

Помимо наказаний отдельных участников советскими органами широко использовалось наложение контрибуций и штрафов на отдельные населенные пункты и волости. Например, на Виленскую волость Михайловского уезда за выступление была наложена контрибуция в 600 тысяч рублей{126}.

[вверх]

Причины восстания

Согласно официальной сводке, отправленной в столицу, «мятеж носил неорганизованный характер». Материалы фонда Рязанского Революционного трибунала содержат сведения об участниках этих выступлений. На основе документов фонда можно сделать вывод, что в ноябре в выступлениях приняли участие все слои крестьянства{127}. Агитация кулачества, офицеров и священников не являлись причиной восстания. Их роль определялась в большом числе случаев тогда, когда крестьяне уже выступили против власти. А убеждение в правоте своих действий, связанной прежде всего с христианской религией выдвинула на передний план священников. Среди предводителей повстанцев были представители и других групп населения. В Спас-Клепиковской волости Рязанского уезда руководителями восставших оказались матросы{128}. В Муравлянской волости Сапожковского уезда организатором и инициатором восстания был даже бывший член местного комитета бедноты С.З. Пахомов.

Советские органы проводили расследования обстоятельств крестьянских восстаний. Как общее явление следственные комиссии отмечали оторванность губисполкомов и губкомов РКП(б) от деревни, их неумелую работу. В докладе о причинах восстания в Касимовском уезде одной из первых называлось непродуманное постановление уездного исполкома об упразднении волостных и сельских Советов и замене их комбедами. По указанию губернского исполкома оно было отменено. Но двойная реорганизация вредно отразилась на работе Советов и настроениях крестьян.

Комиссия отмечала безнравственные действия некоторых советских работников, злоупотреблявших властью, неправильно толковавших декреты. Обращалось внимание на слабую политическую работу коммунистов, не проводивших борьбы с агитацией кулаков, белогвардейцев, эсеров, меньшевиков, монархистов и черносотенцев{129}.

Большое значение в ликвидации восстаний имела разъяснительная работа, которая проводилась советскими органами. Так, общее собрание представителей селений Бахмачеевской волости Михайловского уезда 14 ноября после доклада агитатора Перцова единогласно постановило: выдать всех подстрекателей и зачинщиков выступления, добровольно сдать оружие и указать, кто скрывает его. Собрание заявило, что оно признавало и признает Советскую власть. Было постановлено «возобновить праздник

Великого Октября, во всем помогать Советской власти». Крестьяне решили провести учет 18-50-летнего населения и по первому призыву явиться на защиту рабоче-крестьянской власти.

Общее собрание с. Плахина 13 ноября представило начальнику отряда Красной армии, находившемуся в с. Бахмачеево, «мирное заявление», в котором сообщалось о ликвидации восстания и горячем приветствии Советской власти. Крестьяне клеймили позором авантюристов, «затуманивших их темные головы преступными призывами». Они просили прислать не карательный отряд, а агитаторов, «для направления наших мыслей по пути Советской политики»{130}.

На многотысячных собраниях крестьяне откровенно говорили о своих бедах и заботах. Много претензий высказывалось в адрес уездных Советов, о которых у крестьян создавалось представление как о скопище саботажников, игнорирующих волю крестьян, освобождающих явных контрреволюционеров, арестованных в деревне. Жители Токаревской волости заявили, что только из-за этого сошлись с кадетами и кулаками.

В ноябре 1918 года о недостатках в работе коммунистов в Раненбургском уезде писал В.И. Ленину некто Ф. Козмин:

Много плохого замечается в Раненбургском уезде. Многие местные коммунисты ведут себя отвратительно. Идеи коммунизма ими оплевываются и топчутся. Поэтому авторитет Советской власти падает. Население относится к местной власти с отвращением, страхом и ненавистью{131}.

В уездах была проведена проверка деятельности исполкомов. Выяснилось, что в Скопине председатель Совета расстрелял 11 заложников. В Касимове председатель Совета арестовал и расстрелял президиум съезда за то, что не был избран в его состав{132}.

Лица, злоупотребившие властью, были преданы суду. Анализ выступлений крестьян на местах и их доклады в губисполком, показали, что основными причинами называли осуществление хлебной монополии, реквизицию скота и мобилизацию{133}. Кроме того, в Скопинском уезде Чуриковской волости и в Данковском уезде Кочуровской волости в качестве одной из причин было недовольство мероприятиями, проводимое государством по отношению к церкви{134}. В Егорьевском уезде тяжелое продовольственное положение{135}.

Важным фактором явилось и поведение коммунистов по отношению к крестьянам. Крестьянин села Березовка Мало-Сапожковской волости Сапожковского уезда Е.Г. Николин, принимавший участие в восстании заявил во время расследования: «...у нас восстание было не против Советской власти, а против грабежа. Приходили к нам в деревню продукты и разные товары. Но наше общество мало этим пользовалось, а пользовались эти грабители — Фрон Канкин и Иван Колунтаев ... кто скажет им слово против грабежа они говорят: замолчи, а то отправим в тюрьму»{136}.

В Скопинском уезде Курбатовской волости выступления были спровоцированы действиями председателя волостного Совета{137}. В Данковском уезде после покушения на Ленина было взято 250 заложников, многие из которых были те, с кем местное руководство просто сводило личные счеты. Среди 11 человек расстрелянных была учительница, отказавшаяся стать женой секретаря комитета партии{138}.

Направленные после восстания в уезды следственные комиссии, агитаторы, инструкторы выясняли причины и как-то пытались оздоровить обстановку. Одновременно, в это время производились сборы наложенных на крестьян контрибуций. И уже в ходе сбора средств выявились новые факты злоупотреблений, нарушения законности, освобождения активных участников восстания за взятки, присвоение контрибуционных сумм.

Так инструктор губкома РКП(б) Родионов сообщал о «засилье левых с.р.» {139} Помимо Пронского уезда много левых эсеров находилось у власти осенью в Рязском уезде. Там в исполком Совета входило 13 большевиков, 4 левых эсера 2 анархиста{140}.

В Пронской ЧК обнаружилось невиданное злоупотребление алкоголем, где в помещении ЧК были обнаружены «без чувств лежащие пьяные», и обнаружилось громадные злоупотребления в сборе контрибуции{141}.

Кроме всего, инструктор-ревизор столкнулся с фактами преступной деятельности следователя губернской ЧК Беляева. Прибыв с отрядом в Перевлескую волость Пронского уезда, он поселился в доме кулака Васильева, вел себя недостойно: пьянствовал во время следствия, освободил за взятку активного агитатора за восстание крестьянина Прусакова, осуществил незаконную реквизицию мануфактуры, которую поделили между собой члены его отряда. Помимо пьянства в уезде, арестовал любовника одной особы, а в обмен на его свободу «предложил ей гнусность», на которую ей пришлось согласиться. Перед отъездом потребовал от председателя местного комбеда «благодарности» в виде денег и спирта за наведение «образцового порядка». Когда это стало известно сельчанам, то Беляев арестовал председателя комбеда «за разглашение тайны» и освободил его только перед самым отъездом.

Сотрудник Пронской ЧК Агапов был уличен во взятках. Собрал деньги по контрибуции,

председатель Столпянского сельского совета, уехал торговать табаком в Москву. Начальник Рязанского отряда не сдал в кассу 10.500 рублей, которые были собраны в Юрасовской волости{142}.

Здесь в вопросах о злоупотреблениях ЧК уместно обратиться к рассказу о чекистах А.М. Гарасевой:

... ЧК арестовала старика Муратова, который не только никакими общественными делами никогда не занимался, но и своих не вел, а теперь доживал последние дни жизни. У нашего же отца было много знакомых во всех советских учреждениях... В конце концов дело было улажено, и старика Муратова выпустили после того, как ... снесли какому-то видному чекисту тушку баранчика. «Неподкупные рыцари революции» очень быстро научились брать взятки и принуждать к их даче других, а при обысках без зазрения совести прикарманивали все, что им нравилось — золотые часы, украшения, цепочки, портсигары, перстни — все это потом появлялось на них, на их женах или на любовницах. Рязань была маленьким городом, скрыть что-либо было трудно, да они, по-моему, и не пытались скрыть своей алчности»{143}.

К числу таких случаев похоже относятся и события 1-го июля 1918 года, когда в селе Спас-Клепики среди населения распространились слухи о том, что во время реквизиций чекисты отнимают у граждан золотые вещи, отрубая пальцы вместе с кольцами, отбирают весь товар у продавцов на базаре.

Утром чекисты И. Канышев, А. Рябиков и агент судебно-следственного отдела милиции г. Рязани В. Корчагин, находившиеся здесь в командировке для борьбы со спекуляцией и начальник 4-го участка милиции И.П. Таманский пошли на железнодорожную станцию, чтобы отправить реквизированный у мешочников хлеб. В это время на перроне, у готового к отправке поезда собралась толпа.

Чекисты вошли в вагон и стали смотреть в окно. Послышались крики, что под их видом скрываются грабители, а не представители власти и надо бы проверить документы. В. Корчагин спокойно сказал, что их документы подлинные и проверены в волсовете, но толпа его не слушала и хлынула в дверь вагона. И. Канышева, А. Рябикова и В. Корчагина вытолкнули прямо на рельсы и стали бить чем попало, отобрали оружие, заставили снять одежду и обувь, оставив в одном белье. Доведя до бессознательного состояния, всех троих поволокли к волсовету. У крыльца волсовета В. Корчагин пришел в сознание и бросился из толпы в здание, где сторож его спрятал.

В это время на крыльцо волсовета вышел начальник волостной милиции И.П. Таманский и стал угрожать людям разойтись, но его не послушали, сшибли на землю и зверски избили. Мальчик из толпы вытащил из ножен шашку И.П. Таманского и заколол его. Убили и остальных чекистов. В Спас-Клепики был послан карательный отряд численностью 90 бойцов во главе с командиром батальона частей ЧК Вагнером, который подавил восстание и захватил его зачинщиков{144}.

В Данковском уезде также были установлены многочисленные нарушения и злоупотребления в работе местного ЧК. Часто обыски производились без ордеров, а «у Лебедевой А.А. обыски проводились до 15 раз, пока не очистили совершенно квартиру, не брезгуя даже детскими игрушками»{145}.

Несмотря на покаянные письма и речи, выступления крестьян продолжались, хотя в Рязанской губернии в меньших размерах, но настроения большинства крестьянства к новой власти было отрицательное. Их силком тянули в «светлое будущее».

Из доклада инструктора Шацкого уездного комитета РКП(б) Креслинга о настроениях населения, о препятствиях на пути создания партийных ячеек от 16 декабря 1918 года: «...На пути к этому встречается масса препятствий. Например, в Ново-Березовской волости ячейки почти наполовину из сомнительных членов, кроме того, членами ячейки считаются 3-4 бывших офицера».

В Сотницкой же волости, несмотря на неоднократные попытки, создать ячейку не удалось. Когда же на митинге докладчик говорил по текущему моменту и обращался к собравшимся с горячим призывом: «Да здравствует вождь мировой социальной революции товарищ Ленин!» — в ответ ему было гробовое молчание. Когда же после митинга докладчик созвал в теперешнем составе ячейку, то произошла масса столкновений.

Когда докладчик говорил об избрании волостных исполкомов и что в этих исполкомах могут быть только коммунисты, Морковский — председатель волостного исполкома — выступил с приветственной речью и говорил: «Товарищи, мы свергли жандармов, отняли от них их привилегии, а теперь 15-ть коммунистов сядут на шею бедноте, да, именно бедноте, и так как у нас нет ни богатеев, ни кулаков, то возьмут себе все права и станут теми же жандармами»{146}.

Как в воду смотрел, хоть и говорили коммунисты, что темный у нас народ. В официальном докладе министру внутренних дел Г.И. Петровскому о причинах кулацкого восстания в губернии и его ликвидации от 2 декабря 1918 года, сказано:

Восстание контрреволюционное, [у восставших] была связь с уездами и соседними губерниями, [восстание было] направлено на разрушение железнодорожных путей и срыв мобилизации. Белогвардейщина, стараясь взорвать власть изнутри, перенесла центр своей работы в деревню, политически отсталую и мало организованную. Участники восстания — офицеры, попы, кулаки, часть интеллигенции. Поводы к восстанию — мобилизация людей, лошадей, реквизиция скота, хлебная монополия, отделения церкви от государства, неудовлетворительность работы волостных и сельских Советов и зачастую ответственных работников{147}.

Важно сослаться, при выяснении причин восстания на «Циркуляр народного комиссариата внутренних дел губернским исполнительным комитетам о недопущении извращения декретов Советской власти» от 1 января 1919 года, где как мне кажется тактично указывалось на низкий уровень работы советских органов, их подготовку, что как следствие привело к бунту:

Еще не закончено расследование событий, но уже с первых шагов следствия выяснилось, что наряду с работой контрреволюционеров одной из причин восстания была недостаточная тактичность в действиях представителей местной Советской власти, неумелое исполнение ими заданий центра и непонимание характера своей работы, что особенно обнаружилось при осуществлении декрета о сборе десятиллиардного налога, наложении контрибуций, проведении мобилизации, отделении церкви от государства»{148}.

В данном случае речь идет о вседозволенности и безнравственном поведении советских работников, когда закон подменялся революционной необходимостью.

* * *

[вверх]

В публикации использованы работы: П.В. Акульшина, Ю.В. Гераськина, Н.С. Булгаковой, М.В. Кузнецова, Т.В. Осиповой, Ю.В. Фулина, а также отдельные материалы исследовательской работы Рязанского Общества «Мемориал» — «Политические репрессии 1920-х годов в Рязанской губернии».

Примечание

- {1} Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 66, л. 343.
- {2} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 662, л. 74.
- {3} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 60, л. 461.
- {4} ГАРО. Ф. Р-500. Оп. 1, Д. 12, л. 3.
- {5} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 662, л. 83.
- {6} Скопин: историко-краеведческие очерки / Соболев Владимир Алексеевич. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Рязань: Рязанский издательский дом (РИД), 2007., с. 126.
- {7} ПСС Т. 38, с. 531.
- {8} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 909.
- {9} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминание анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 43,44.
- {10} Отречемся от старого мира / Фулин Юрий Васильевич. — Рязань: Московский рабочий. Рязанское отделение, 1987 г., с. 195, 197.
- {11} Перов И.Ф., Кузнецов М.В., История рязанской милиции. — Т. 1, Рязань, 2003 г., с. 39.
- {12} А.С. Велидов. Красная книга ВЧК.Т. 1., 2 — изд., Политиздат., М., с. 78,79.
- {13} Там же. С. 61,63, 66,67.
- {14} Ежедневник ВЧК., С.П. Мельгунов. Красный террор в России, изд. 2-е доп., Беолин., с. 72.
- {15} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминание анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 55.
- {16} Страницы былого (Воспоминания старых коммунистов), Рязань. 1960 г. с. 121-123. Кузнецов М.В. Крестьянское восстание в Рязанской губернии в 1918 году. Ученые записки т. 8., Рязань: Политех, 2005 г., с. 72.
- {17} Страницы былого (Воспоминания старых коммунистов), Рязань. 1960 г. с. 131-132.
- {18} Газета Искра №26, 27.
- {19} Фулин Ю.В., Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 188.
- {20} Кузнецов М.В. Крестьянское восстание в Рязанской губернии в 1918 году. Ученые записки т. 8., — Рязань: Политех, 2005 г., с. 72.
- {21} Кабанов С.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма».М., 1988, с. 164.
- {22} Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь: Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918 — 1921 годах., Ряз. гос. пед. университет им С.А. Есенина., Рязань.,2000 г., с. 50,51.
- {23} Рязанские губернские ведомости № 8,18. 1916 г.
- {24} Фулин Ю.В., Из истории ликвидации помещичьего землевладения в Рязанской губернии.

- Историко-краеведческий очерк., Рязань, 1961 г.
- {25} Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. — М., Издательство «Стрелец», 2001 г., с. 205,206.
- {26} Френкин М., Трагедия крестьянского восстания в России 1918–1921 гг., 1987. С. 39.
- {27} Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь: Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918 – 1921 годах. Ряз. гос. пед. университет им. С.А. Есенина., Рязань., 2000 г., с. 52,53. Крестьянство СССР. Том первый. с. 116.
- {28} Кузнецов М.В. Крестьянское восстание в Рязанской губернии в 1918 году. Ученые записки т. 8., Рязань: Политех, 2005 г., с. 73, 74. Страницы былого (Воспоминания старых коммунистов), Рязань.,1960 г. с. 92.
- {29} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 3, Д. 1, л. 86.
- {30} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 159, л. 21.
- {31} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 3, Д. 1, л. 93.
- {32} Перов И.Ф., Кузнецов М.В., История рязанской милиции. — Т. 1, Рязань, 2003 г., с. 69.
- {33} Кузнецов И. Сапожковский край. Рязань., 2002 г., с. 105.
- {34} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 61.
- {35} ПСС., В.И.Ленина., т. 28., с. 155,156.
- {36} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 205,206.
- {37} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 102.
- {38} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 110.
- {39} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 40.
- {40} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 212,213.
- {41} Там же. С. 201.
- {42} Очерки истории Рязанской организации КПСС. — М 1974., с. 117–121.
- {43} Известия Ряз. Губисполкома №188 от 24. 09 1918 г.
- {44} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 212.
- {45} Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. — М., Издательство «Стрелец», 2001 г., с. 145.
- {46} ГАРО. Ф. Р-343. св. 2, Д. 16., л. 22.
- {47} Осипова Т.В., Указ. Соч., с 174
- {48} Туляков В.В. Ополчение бедноты. Пенза., с. 10,13.
- {49} Там же. С. 14.
- {50} Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. — М., Издательство «Стрелец», 2001 г., с. 182. Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 218–234.
- {51} Туляков В.В. Ополчение бедноты. Пенза., с. 13. Кизрин А.Г. К истории комбедов, Воронеж, 1932 г., с. 17, Комитеты бедноты. М., Л., 1933 г. Т. 1, с. 185–187.
- {52} Осипова Т.В., Указ. Соч., с 194.
- {53} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 242,243.
- {54} ГАТО.Ф. Р-1. Д. 69. л. 42.
- {55} Страницы былого (Воспоминания старых коммунистов), Рязань.,1960 г. с. 104.
- {56} Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. Изд-во С-Пг университета.,2003., с. 193,194,197.
- {57} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 48,49.
- {58} Губонин М., сост. Акты святейшего патриарх Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института. С. 1064.
- {59} Гераськин Ю.В. Государство и церковь. Рязань 2003 г., с. 6.
- {60} Там же. с. 10.
- {61} Там же. с. 11.
- {62} Там же. с. 13
- {63} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 42, л. 5. Гераськин Ю.В. Государство и церковь. Рязань 2003 г., с. 11.
- {64} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 39, л. 13,15.
- {65} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 568, л. 3.
- {66} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 379, л. 2,6,9,13,33.
- {67} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 1357, л. 5,12,21,22,26,53,100,123.
- {68} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 697, л. 4,11,17,30.
- {69} Губонин М., сост. Акты святейшего патриарх Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института. С. 1064.
- {70} Пронская земля. Рязань. С. 214.
- {71} Очерки истории Рязанской организации КПСС. М.. 1971. с. 16,128,147.
- {72} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 195,196.
- {73} Очерки истории Рязанской организации КПСС. М.. 1971. с. 112, 113,131.
- {74} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 71,72.
- {75} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 99.
- {76} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 100.
- {77} Еженедельник ВЧК.№5, 1918 г., с. 24.
- {78} Еженедельник ВЧК.№3, 1918 г., с. 23–25,30.
- {79} Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте., М., 1920 г. с. 7.
- {80} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 312, л. 54 об.
- {81} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 16. Очерки истории Рязанской организации КПСС. М.. 1971. с. 132. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. — М., Издательство «Стрелец», 2001 г., с. 262.
- {82} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 49 об.
- {83} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 14.
- {84} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 11,13,14,15.
- {85} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 13–16 об.
- {86} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–

- 1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 243,244.
{87} ГАТО.Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 121., л. 71.
{88} ЦДНИТО.Ф. 840. Оп. 1. Д. 34. л. 36об.-37. Гераськин Ю.В. Государство и церковь. Рязань 2003 г., с. 11.
{89} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 96-99.
{90} Кузнецов И. Сапожковский край. Рязань., 2002 г., с. 104.
{91} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 34об.
{92} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 47об.
{93} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 61.
{94} Кузнецов И.А. Сапожковский край. Рязань., 1999 г., с. 105,106.
{95} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 28,48.
{96} Белкин И. Красная биль//СК — с. 2.
{97} ГАРО. Ф. Р-2114. Оп. 1, Д. 10, л. 98-99.
{98} Перов И.Ф., Кузнецов М.В., История рязанской милиции. — Т. 1, Рязань, 2003 г., с. 84.
{99} ГАРО. Ф. Р-2114. Оп. 1, Д. 10, л. 98-99.
{100} Кузнецов М.В. Крестьянское восстание в Рязанской губернии в 1918 году. Ученые записки т. 8., Рязань: Политех, 2005 г., с. 80.
{101} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 262.
{102} ГАРО. Ф. Р-2647. Оп. 2, Д. 29, л. 28, л. 7.
{103} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 263.
{104} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 94-94об.
{105} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 263.
{106} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 263.
{107} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 264.
{108} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 96.
{109} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 22,23.
{110} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 24.
{111} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 244.
{112} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 264.
{113} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 264.
{114} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 265.
{115} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 39.
{116} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 50, л. 36,37.
{117} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 265.
{118} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 265.
{119} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 240.
{120} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 14, 38-41,48,77,.
{121} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 22,23.
{122} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 54, л. 41.
{123} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 244. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 708, л. 2-3.
{124} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 103.
{125} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 668, л. 42.
{126} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 70.
{127} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 651, 742,734.
{128} ГАРО. Ф. Р-2657. Оп. 1, Д. 36, л. 124.
{129} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 265.
{130} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 266.
{131} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 201.
{132} Осипова Т.В., Указ. Соч., с. 267.
{133} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 20,25,38.
{134} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 92.
{135} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 54, л. 42.
{136} ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1, Д. 670. л. 3.
{137} ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1, Д. 54, л. 41.
{138} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 373, л. 45.
{139} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 100.
{140} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 40.
{141} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 100.
{142} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 93, л. 102-103, 116., Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 100,102
{143} Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки. Интерграфсервис., 1997 г. с. 53,54.
{144} Перов И.Ф., Кузнецов М.В., История рязанской милиции. — Т. 1, Рязань, 2003 г., с. 69.
{145} ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1, Д. 182, л. 134-136.
{146} ЦДНИТО. Ф. Оп. д. 65. л. 14а, б, в.
{147} Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917-1920 гг.). — Рязань: Газ. «Приокская правда», 1957 г., с. 246.
{148} Там же. С. 244.

Источник: www.history-guazan.ru «История, культура и традиции Рязанского края».
В.А. Коростелев «Крестьянские восстания в Рязанской губернии в 1918 году».

•
[назад](#) [вверх](#)

[Книги, документы и статьи](#)

Создание и дизайн www.genprogge.ru © Вадим Погге.
Только для учебных и некоммерческих целей.

